

84P6-5

Изгорь Чаусов

4-26

АКВАРЕЛИ

**УМА И СЕРДЦА
ДВА НАТЯВА**

Библиотека
000-188

ББК 84Р7-5

Ч-26

Чаусов И.Л.

Акварели: Сб. стихотворений. — Изд. 2-е. —
М. — 2001. — 160 с.: ил.

Игорь Леонтьевич Чаусов родился 7 августа 1937 г., живет в п. Селятино Наро-Фоминского р-на. Профессия — инженер-электрик. Работал в пустыне на урановых рудниках, в Уч-Кудуке, на Камчатке, в Сибири, в Красноярске-26, в Ужуре, в Арзамасе-16. Подводные атомоходы, ракеты, ядерное оружие, атомные электростанции — наладка, работа умная и очень интересная.

Увлечения — живопись, графика, стихосложение — переросли почти в профессию. В 2000 г. на традиционном празднике поэзии «Золотая осень» в Алабино стал победителем турнира поэтов. В начале 2001 г. вышла его первая книга стихов «Акварели». Особой красотой и лиризмом отличаются стихи о природе, мастерски написанные рукой художника, влюбленного в свой край, в Русь. Книга проиллюстрирована самим автором.

Автор приносит особую благодарность людям, без помощи которых эта книга могла не состояться. Это депутат Московской областной Думы Андрей Николаевич Епишин и глава Алабинской администрации Александр Юрьевич Гусев, которые без назиданий и корысти профинансировали и организовали издание. Низкий поклон им от всех любителей настоящей русской поэзии.

© И.Л. Чаусов, 2001, изд. 2-е,
текст и иллюстрации

И.Л. Чаусов

АКВАРЕЛИ

Москва

2001

Библиотека
ОПК-189

Соперников в поэзии не счесть,
но я готов их примирить и сплавить.
Кто хочет рядом с Евтушенко сесть
и грудь и лик под взглядами расправить?

Зачем соперничать, когда не все слова
отлиты в бронзу стрел – сердец отметин,
когда неукротимая молва
течет потопом слов и междометий.

Статисты обалдели от статей.
Статистика – от цифр полуфальшивых.
А в экономике такой накал страстей,
как будто все из тех, двадцатых, вшивых.

Конечно, разберемся в чистоте.
От глупых догм и чванства отряхнемся.
Быт и детей доверим красоте.
И, может стать, из родников напьемся.

Отмотаю свои километры
так, чтоб было чего вспоминать.
И в тоске, у людей не запретной,
отмолюсь, как забытая мать.

Посажу потихоньку малинник.
Родничок откопаю в кустах.
Подобью к тихой заводи клинья.
С соловьем подружусь не за страх.

Разведу огород двоеродный.
Буду репой шпанят угощать.
И фасадной резьбою свободной
и себя, и других удивлять.

Обложу я медовым оброком
луговую глазастую цветь.
И попробуй тогда ненароком
в бесконечных трудах умереть!

А потом, в петушиное утро,
дум клубок разорву наконец.
И японское стереонутро
в «Белой баньке» пропарит певец:
«Сколько веры и лесу повалено...»

ВЕЧНЫЙ ЗОВ

Под снегом гнётся тёплый хвост.
Заборных жердочек бекрень.
Синиц неугомонных голос
над трудным счастьем деревень.

Печных трудов дымотворенье.
Сугробных грудей белизна.
И нерастраченность видений
в немых укорных образах.

Гостей случайных удивленья.
Короткое волненье пса.
Пулс крови из гусиной шеи.
Рябин замёрзшая краса.

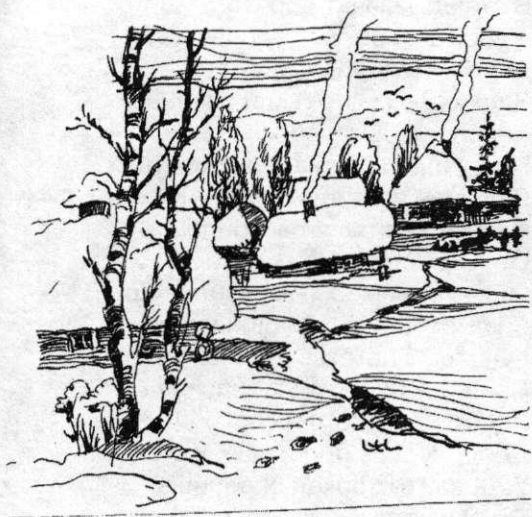
На сеновале – эхо лета.
Поблекших веников рядок
и щель полуденного света.
Скотины в стойле тяжкий вздох.

Былинок кружевная просинь.
Степенность чутких снегирей.
Колючий сон морозных сосен
и дань закланьям декабрей.

Здесь сердце в сладкой боли тает.
Здесь изначальной сути ток.
Здесь каждый шаг твой замечают
с тех пор, как бегал без порток.

Здесь мудрость сказочная тлеет
в напевах скобленных полов.
И лишь могила мне рассеет
к калитке милой вечный зов.

ПРОСЕЛОК

Гостинцев всяких наберешь.
Прах улиц и забот стряхнешь.
В «Жигуль» свои пожитки бросишь.
К друзьям-попутчикам заскочишь.
Полночи бешено катишь.
Тоску «газком» укоротишь.
Рулишь, молчишь, почти молчишь...
От встречных фар – салют в глазах.
В стекле маячат образа.
А сердце, крылья распластав,
Давно уже в родных местах.
В проселок мягонький свернешь.
Бесшумно лужи обогнешь.
Приглушишь лошадей несчетных.
В ночноепустишь их, залётных.
Родной калиткой заскрипишь.
От тьмы глазами заслезишь.
От материнских слез взопреешь.
С улыбкой детской ошалеешь.
Кудрявый детства дух вдохнешь.
Спиной к буфетику прильнешь.
Задышишь чисто и спокойно.
Десяток слов прольешь нестройно.
Усталость стопкой окропишь,
Огурчик пряный оскопишь.

Мать междометьем утомишь.
Тулуп на сеновале кинешь.
И наградит тебя сполна
Тоской разбитая луна.

Легко вещать слова о дружбе вечной
И полнить кубки золотым вином.
Но в этой жизни счастье быстротечно:
Глядь, а вокруг всё ходит ходуном!
Улыбки и приличья испарились.
Кой-кто утраты тащит на весы.
Холодным потом слабые покрылись –
И без оглядки с чёрной полосы.
Кто преданно себя любил без меры,
Кто лишь за чаркой дружбу окликал
И жиденькие, тощие примеры
В богатые одежды облекал...
Таких я помню разумом холодным.
К чему лукавить, не певец им я.
Уж если мне придётся быть голодным,
К ним не пойду, покой их сохраняя.
Я иногда чувствителен, как дева,
Хотя мужские стати приберёг,
Когда ума и сердца два напева
Раздуют чистой дружбы уголёк...

ОТЧИЙ ДОМ

Шиферные волны.
Сосулек рядок.
Тяжей антенных звонных
коснулся ветерок.

Кленовых веток морзе.
Верандных стекол клёк.
И у порога мерзлый
утюжный уголек.

Поленница под крышей.
Ольхи морковный срез.
И где-то дизель дышит.
И кот глядит, как бес.

В муаровых разводах
стерневые поля.
И в белом половодье
уснувшая земля.

Сорочьих дел тревога,
бочком немой полет.
Метеная дорога.
Сенной трухи разлет.

Ритмичная качалка
застиранных рубаш.
И деловая галка
крушит замерзший прах.

В сенцах, что нет милее,
дородный силуэт.
И ничего роднее
на этом свете нет.

1981 г.

ГЛУХАРИ

Ах, глухари в есенинской оправе!
Вы захлестнули сердце навсегда.
И по весне я мыслю отравлен
увидеть вас, как в детские года.

Услышать ваши трели разливные –
и грудь к земле, чтоб сердце чуть унять.
И, позабыв про громы вороные,
в крови зарю оставить догорать...

Заметалась душа в клетке реберной зги,
и в предбанник несчастья упали мозги.
Все искринки погасли и звуки ушли.
Превратились в шестёрки всех дел короли.
Обмельчал небосвод в ручеек под скалой,
и его отравили кровавой стрелой.
Крутанулся вертеп недоверчивой мглы,
и все мерки души сразу стали малы.
Хохотнул от злой радости филин в ночи.
Встали чёрной толпою души палачи.
Воздух каменным стал.
Воздух грудь распирает.
И горячим свинцом шкуру черт поливал.
То, что другом звалось, повернулось, ушло.
Непонятое весы измеряли на зло.
Немота, как кувалдой, стучала в виски.
И летели в огонь клочья доброй тоски.
Жизнь шагреневого шкуркой теряла свой смысл.
Друг врагам разливал в пьялы черный кумыс.
Причитанья ненужной квашнёй расплылись.
И отравленным псёнком закорчилась жизнь.
Верность слезы отёрла, гримаской сошла
и рыдавшую душу во тьму увела...

Я с горла в задыхающемся мраке
сорвал узлы чужих холодных рук.
А сердце в грудь – как в нежилом бараке
долбит в окно кленовый мёртвый сук.

Все обошлось в полжизни и вполсилы.
Но память все сумела сохранить...
Сейчас не стал бы рвать себе поджилы,
в полсчастья жить и полубогом быть...

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Мне кто-то близкий засадил дуплетом
куда-то в грудь, под сердце, под ребро.
И я обмяк и сполз в траву омлетом,
остатками сознания чтя добро...

Мне кто-то дальний тело починил.
И я в природу влился не спеша...
Я жил в обличье том же, что и был,
но телом правила уже не та душа...

ДВА ГОЛОСА

Мне б частности отринуть навсегда.
От мелкотемья чисто оторваться.
Допеть всё славное. Балде сказать: «Балда!».
В коллизиях до истин докопаться.
Остановить намеренную подлость.
Порыв души надеждой осветить.
И милую застенчивую робость
в уверенную твёрдость обратить.
Закрыть собой чужие недогляды.
В неопытные руки смысл вложить.
Не занести сорняк в чужие гряды.
Участием помочь кому-то жить.
Сердце прохладу опалить мечтою.
Строкою равнодушие убить.
Бескомпромиссно быть самим собою.
Невольные ошибки не плодить.
Но, обобщать совсем небезопасно.
А мелкотемье так в глаза и прёт.
Да и балда с цитатою прекрасной
в штампованных страстях живёт и лжёт!
Правдоподобье истину калечит.
А подлость нерастраченно сильна.
Надеждами почти никто не лечит.
И робость обречённостью больна.

Семья не пустит под чужие пули.
Неопытность сорвётся на лету.
Радикулит на неудобном стуле
стрелой горячей пригвоздит к кресту.
Мечта с чужой столкнётся лбом горячим.
А кто-то равнодушно промолчит.
Бескомпромиссность шастает незрячим.
Судьба в ошибках корчится, кричит...
Всё! Стоп! Закрой фонтан трескучий!
Нытьё в сравненье с боем не идёт!
Прорвись к мечте в заоблачные кручи,
вдохни простор и ощути полёт!
В полёте всё оторвано от плоти.
В полёте беспощаднее враги.
И нервы – как в предстартовом отсчёте.
В ошибках – невозвратные круги...
Останься верным русскому раздолью.
Рвани карман для шапки круговой.
В беде чужой ты не бросай подворья
и первым дай ладонь для мировой.
Себя щадя, к бессмертью не подступишь.
И знай, ты в этой схватке не один...
Сгоришь в любви и в деле не отступишь.
И Русь склонится гроздьями рябин...

Полысели тропочки крутые.
Отказались промахи души.
Детской жизни сложности простые
в полстолетье медленно ушли.
Отрубилось многое немое.
Отслезилось счастье и печаль.
Что-то там забылось холостое.
А чего-то искреннего жаль.
Жизнь течет, старается, сложнится.
Дети крылья сердца берегут.
Что-то получается, вершится...
Церберы запреты стерегут.
Щедрости священные вершины
сохранит лишь трепетная страсть.
Неизвестных радостей глубины
залегли, морозом открестьясь.
Но, как море, сердце жизнь волнует.
Совершенством полнится стезя.
Доктора неспешно практикуют...
Дел до черта! И хандрить нельзя.

От недобрых морщин стать скорбела.
От небритых борозд седина.
Разноперая сойка слетела
в недопитую рюмку вина.

Хруст огурчика резкий и сочный
раздробил темно-серую мглу.
И божественный лик непорочный
бликовал от лампадки в углу...

Вода и время тихо льются.
За годом год, как капли в чан.
И эти капли всех коснутся
и лягут стрелами в колчан.
Наполнят смыслом и значеньем
неуспокоенность души.
Привыкнуть можно к огорченьям.
Но жизнь растратить не спеши.

Вороненые курочки отворила
пятерня.

Где вы, в бочке лежебочки –
Диогенова
родня?

Где рязанские Вольтеры,
Сен-Симоны,
Монтескье?

Где вы, гениевы гены?
Иль засохли все в тоске?

По кому пальнуть картечью,
брызнуть каверзу в лицо,
обложить вопросом встречным,
выгнать с треском на крыльцо?!

До каких низов Россию
нужно тихо опустить?
Где же подлинный Мессия,
иль уже не может быть?

Все вопросы без ответов.
Все украдено всерьез.
Ильичи все рядом где-то,
все знакомые до слез.

Всё украли, закопали.
Все отмыли, отскребли.
И в застенки не попали.
Сошку мелкую секли.

Посекли, потеревили,
дали годик или два.
Их грошом свое прикрыли,
чтоб не пухла голова.

Учили. Ведал. Дух парил!
Свои Америки открыл.
Крошились зубы от ударов.
Но лишь себя за всё корил.

Не отвлекла от бурь молодка.
Не опростала душу водка.
И лишь усталая подлодка
из глубины пришла домой...

Подводный звук всегда со мной,
в застолье, летом и зимой.

февраль 2001

Я не рожден для грубой лести,
но вкус тщеславия знаком.
И чтоб не потревожить чести,
я тщусь воспеть любви закон.

Взнести страдания души,
стряхнуть злой прах, как грех невольный.
И пусть пугают бердыши,
мы все в любви к первопрестольной.

Предел уверенной весны
уже мерцает где-то рядом.
И в души наши и во сны
уже вплетаются триады...

Жан-Поль Мараты, Робеспьеры –
у них стезя в кровавых снах.
Другие тешат нас премьеры
со злой оскоминой в глазах.

Паренья в пропасть – уж пунктиром.
Прощеных воскресений свет.
И хочется сломать mortarы
и дать беззлобия обет...

Твои дела венчает разум.
Твои страдания не просты.
Не раздробить их громким джазом,
залит елеем бересты.

Но жизнь бежит, соблазны тянут,
приматы стелют мох густой.
Лишь храмов купола не вянют
под бесконечный храп и вой.

Живи, Марат! В трудах и боли
не оставляй стезю любви.
Тебя мы любим не в застольях,
А от потерь твоей крови.

ЗАЩИТНИКАМ РОССИИ

Кто-то бредил атакой.
Кто-то труса давил.
Кто-то шутками брякал.
Кто-то Бога молил.
Поле в саване белом.
Перелески, стога.
Парни заняты делом,
И не видно врага.
Дульных срезов не видно.
Пули в порохе спят.
Всем вокруг очевидно,
Что вот-вот полетят.
Будут портить одежду,
Будут ветки косить.
У кого-то надежду
Украдут, не спросив.
А потом, после боя,
Честь и смерть помешав,
На коленях иль стоя,
Душу вдрызг потроша,
Слава, слёзы не пряча,
Осеняла бойцов.
И печальная кляча
И сынов, и отцов

Павших души скликала,
Посылала в полёт
И в слезах до оскала
Намечала исход.
Православность сочилась
От сердец простоты.
И над звездами взвились
Лишь кресты, лишь кресты.

23.02.2000

Ушаев

ЭХО ВОЙНЫ

Двенадцать останков. Двенадцать пределов.
Двенадцать... Наверное, взвод поределый.
Двенадцать сердец, зацелованных пулями.
Мчал рой беспощадный к сердцам,

словно к ульям.

Их всех в сорок первом подстригли под ноль.

От вшей берегли – надо было б от пуль!

От валенок – тлен, от костей – желтизна.

Смертельное эхо доносит война.

На белом снегу воск немых черепов

Взорвал вмиг элегию буден и слов.

Как медленно шло это эхо войны...

Простите, ребята, отцы и сыны,

Что случай нелепый ваш сон обнажил.

Мы всё разузнаем: кто – кто, кто где жил...

Мы вам перестелем землицей постель,

Расскажем мы вам про далекий апрель...

Другие сыны бой в Берлин привели.

Оглохшие яблони вновь расцвели.

Европа, насытившись кровью людской,

В развалинах вся, обрела свой покой.

Да, МИР к нам пришёл не цифирной ценой.

Такие, как вы, не вернулись домой...

С тех пор на Земле, представляете, – МИР!

В Европе с тех пор только он командир!

Мы помним вас, парни! Мы чтим ваш завет.
Мы очень хотим МИР продлить сотни лет.
Прощайте! Победа,

знамена склони

И память о них

сохрани,

сохрани...

Года летят, но остается
Курсив от прозы и забот.
И сердце радостно забьется,
Когда родник струю прольет.

Когда нежданно, неопратно
Ослепит синяя звезда,
Уронит образ непонятный
Иль роковой призыв гнезда.

Гнезда, породы, предков дальних,
Измеривших свою судьбу.
Иль прозу от забав ментальных,
Или покой, или мольбу...

Ведь грусть не обязательно порок.
Она в крови. У цельности в подругах.
Она меняет бешенства порог,
Без парусов плывет на тихих стругах.

И неизвестность тянется за ней.
От ожидания сердце жжет томленьем.
В струях надежды ум становится светлей.
И вдруг душа бликует озареньем!

Я вам желаю грусти, иногда.
Но не печальной, а янтарно-теплой.
И пусть уходят медленно года
В пылу страстей, без глупостей и воплей...

Николаю Рубцову

Прости, Михалыч... Дверь в твою гробницу
нежданно я,

негаданно открыл.

И сердце задохнулось в небылице,
которую

никто не отвратил...

Как мог ты, обделенный, неуютный,
растертый жерновами нелюбви,
бродить в миру

ромашковым салютом
и петь нам гимны добрые свои?

Таких, как ты, изведено немало
на нашей изуверенной Руси.

Ведь ты зажил,

когда тебя не стало.

И каждый вдруг кусочек запросил.

Прости, Михалыч. Ты горел негромко.

Но тот топор, что жизнь остановил,
одним ударом

прорубил дорогу

в ту жизнь, которой ты не подходил.

Сияло солнце. Кто-то землю рыл
для новых,

неожиданных могил...

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество не спит...
В одиночку каменеет,
полынью свою хранит
и старательно стареет.

Одиночество не спит.
Одиночество храбрится,
о добре и зле молчит,
лишь вперёд чуть-чуть клонится.

Одиночество не спит.
Звездный свет с молчаньем дружит.
Луч в слезинке задрожит,
засинеет, как от стужи.

Одиночество не спит,
на себя своё мотает,
чем-то дальним дорожит,
с чем-то поздним увядает.

Одиночество не спит.
Мысли в бешеной работе,
взор невидящий корит,
память в каверзном полёте.

Одиночество не спит.
У него ночи безбрежность.
Тишиною ворожит
и стучится в безнадежность.

Одиночество не спит.
Курит, форточку откинув.
Лишь рассвет расшевелит
кем-то согнутую спину.

Одиночество не спит.
Ждёт, надеждою трезвеет.
Сердце в люди возвратит
или колыт в ладонях греет.

Для чего пишу я песни?
Для кого ищу слова?
К той могиле, что на Пресне,
укатилась голова...

Расцвети сто черных ночек,
обогрей их, мой Творец!
Возврати всех одиночек.
Дай им в пару сто сердец!

1.01.88.

МГНОВЕНЬЕ

Опять мороз. Капели запоздали.
Опять нахохлилась душа.
Опять на ум ползут печали,
лёд гневом памяти кроша.

Опять друзьям не власьть со мною.
И ты, любимая, прости...
Всё там, за блёсткой пеленою
в морозных всполохах хрустит.

Заря родит другую вечность,
печаль лучом уврачевав.
И вдруг поверишь в быстротечность
и в гениальный строй октав.

Не спится в тишине глубокой.
Тревоги шепчутся и льнут...
Слеза росинкой одинокой
сползёт в морщинистый лоскут.

Сползёт стыдливо, безотрадно,
позвав в свидетели листок,
ночную мглу, костюм парадный,
в котором лишь смеяться мог.

20.05.85

Настало. Август был седьмой.
Жара ушла куда-то к югу.
И облака ползли гурьбой.
И дух грибной всех звал в Калугу.

Мне чести не прибавил год.
Заботы стерли глубь покоя.
Крепчал плодами огород,
и дом не карточный я строил.

Духовной бездны глубина
неотвратимостью журчала.
Ах, неконкретная страна!
Ты в мерзости не истончала.

Вот так настал сварливый год.
Я оглядел дорогу к Богу.
Никто не знает свой исход,
никто не ведает дорогу.

До счастья дотащиться не могу.
Туда заказана дорога.
Себя в дерьме я сберегу,
да и помощников не много.

Но жизнь заставит дубом встать,
ломать пределы духом страсти.
Алмазы все другим отдать
и не копить свои напасти!

1998 г.

Апогеи, перигеи,
Амплитудные шаги...
То ль удавы, то ли змеи –
Всё судьбы
моей круги.

Вдруг расплавом в сердце капнут
Или льдышкой зазвенят,
Иль в болото камнем канут,
Или болью отрезвят.

Ядом зависти прольются,
Захлебнутся в глухоте,
Эхом в пропасти сорвутся:
«А в друзьях
опять
не те!..»

Зажемчужатся слезинкой
От прилива доброты
Иль дырятся корзинкой
От душевной нищеты.

Созерцательно затихнут,
Загогочут в простоте
Иль беспомощно зависнут
В многословной пустоте.

Я круги свои мотаю.
Мне в помощниках весь мир.
Льдинки тают, льдинки тают...
Русь! Одна ты мой кумир...

1983 г.

ГОРЯТ МОСТЫ

Размазанные дни пустопорожних буден.
Взыскательность молчит от утра до темна.
Нет лёгкости в крови, хоть не всегда день труден.
И ум не сосчитал, откуда шла волна.

Бесснежная зима. Душа на дюйм промёрзла.
Иголки души – как в бобрике стерня.
Давно уж не встречал щедрот
душевных, крёзных.
И медяки души теряются, звеня.

Растратились друзья. Бесценные порывы,
кристаллы чистых вод, под цены подвели.
И каждый чтит свои поносы и нарывы,
не ждёт, чтобы твои плевелы зацвели...

На что сменить мотив печальный и унылый?
На цель?

На суету?

На роскошь простоты?

Как всё-таки найти на всех такие силы,
чтоб никогда в себе не поджигать мосты?!

ПОЭЗИЯ-СТРАНА

Поэзия – прекрасная страна!
Она нас мыслью, страстью вдохновляет.
Строфы совсем короткая волна
Бездарность жизни смыслом наполняет.

Чудит сочтением взлетов и глубин,
Философов надменных примиряет,
От розовых ногтей и до седин
Чувствительные души обновляет.

Я покорен, наполнен ей всегда!
Я пушкинской строфой был верно зачат.
Златой петух, Салтан, Руслан, Балда,
Онегин, Пимен, Петр в мозгу батрачат.

Их память не теряет никогда,
Хоть и прессует новые открытия.
А вымыслов прекрасных череда
Дробит и топит мерзкие события.

Поэзия – прекрасная страна!
Поэты рвут сердца, чеканят строки.
Жизнь наша непотребностью больна
А Русь все ждет:

«Когда ж придут пророки?»

29.05.01

РОССИЯ, ПУШКИН, ДАЛЕЕ ВСЕГДА...

Намешано кровей. Населена без счета.
Испанец, итальянец, галл и гот.
Одни пришли искать себе работу,
Другие – как бессмертный Дон-Кихот.

Накатывались тучи Чингис-ханов,
Тимуров и другой голодной зги.
Текли вандалить с Буддой и Кораном.
Топтали, жгли, бекренились мозги.

Несметно лили кровь. Разор творили.
Породу улучшали от славян.
Но Дух Руси они не покорили,
Лишь утолили зверский свой изъян.

Растратились все иги и вандалы –
Русь растворила в доброте своей.
Вот только тюрьмы, ЛАГи и кандалы
Ржавеют в сердце Матери моей...

Есть боль одна, традицией богата.
Она не исчезает на Руси.
Ее мусолят русские Сократы.
Ну помоги, Господь, им и спаси!

Две тыщи лет Христос царит в сердцах.
Две тыщи лет мы молимся о счастье.
И каждый раз нас обнимает страх,
Когда передаем ключи от власти.

Мы блох куем лишь вопреки вождям.
Мы пишем назиданья и сонеты.
Мы бродим по восходам и дождям
И под гитару беребим запреты.

Я оглянулся на заросший тлен.
Цари, царицы, палачи, тираны –
Кто в глупости, кто в крови до колен.
А вот и современные болваны.

Но в этой куче тел, корон и сраму
Увидел луч. Он с Русью навсегда.
Он гением врачует нашу рану
И не идет из сердца никуда.

Он все отдал. А щедростью несметен.
Он знает все про Русь наверняка.
Он власть свою разлил по всей планете,
И нет ее прекраснее пока.

Да, это Пушкин! В нем, как и в России,
Напутано, намешано кровей.
Он в русском слове подлинный Мессия.
Он исповедник, нянь и чародей!

Пронзительный, любвеобильный, строгий,
Он Русь любил и царственно щедрил.
Французик скоротал его дороги,
И те, кто иже, завистью подлил...

Мы все ученики и братья.
Сегодня мы грустим и водку пьем.
Сегодня он у всех у нас в объятьях!
Сегодня грусть и счастье лишь о нем!

5 06.01

Я никогда не шастал по Парижу
ни в джинсах, ни в лампасных галифе.
Мне не испить туристского престижу
и не глотнуть бургундского в кафе.

Колготки не рвануть на Пляс-Пигале,
Тулуз-Лотрека вспомнив похода.
И где-нибудь в Монмартровом начале
купить фиалок, денег не щадя.

Потом забыться в страстном поцелуе,
вдыхая дух Бальзака и Золя.
И подсмотреть, как Сена в нежных струях
волнует Нотр-Дам и тополя.

Мурашки по спине от гильотины.
Душа сожмется там, у Пер-Лашез.
Мараты, Гизы... страшные картины
кровавых оргий. И потом Дантес.

Ах, Франция! Ах, галлы! Ах, события!
Безжалостное кладбище сердец.
Я не люблю вас. Честно. Как хотите.
И пялю Вам на эйфель... огурец!

МЫ – ЕВРОАЗИАТЫ

Мы европились, когда надобно.
Азиатились, когда надолбно.
На двух стульчиках насиделися,
Облапошились и разделися.
От вождей своих надурманились
И в умах-сердцах все поранились.
Духа Господа сторонились,
С коммунистами сатанились.
Отмолить грехи не торопимся,
Все слезинки льем да сиропимся.

СОЛОВЬИНОЕ УТРО

Сегодня соловьи распетушились,
всю ночь катают в горле бриллиант.
Покой и сон куда то испарились.
И вот рассвет лучит седой туман.

От желтых глаз трава озолотилась.
Сирень, как тайна, запахом пьянит.
Роса по радуге в ладонь мою скатилась
и с соловьиной трелью ворожит.

Не хочется грубить словами утро.
Не хочется банальности ронять.
Лишь взглядом понимающее нутро
Бальзамом тихой нежности пронять.

Пронять, зажечь, щеками прикоснуться,
пьянеть от сочетания щедрот.
К Создателю всем сердцем повернуться,
и жизнь опять надеждой прорастет.

20.05.01

ЭНОЛА ГЕЙ

(бомбардировка Хиросимы)

«Энола Гей» жива, но безнадежна.
«Энола Гей» порожняком стоит.
Твои крыла никто не гладит нежно,
А пьедестал твой до сих пор смердит.
«Энола Гей», в тот август ты в полете.
В «Эноле Гей» ТА кнопочка ярчит.
«Энола Гей»... Я мру, мы мрем, вы мрете!
И лишь скелет от ратуши торчит.
Металл и камень запекашкой стынут.
А в небесах боль всех сгоревших душ...
«Энола Гей», ты в августях в полете.
Твой бомбомет сорвал огромный куш.
«Энола Гей» на вечном эшафоте
В проклятьях тысяч испаренных душ.

31.07.83

НЕОКОНЧЕННАЯ ПОГОНЯ

Борзели лошади в погоне,
Кривились лица, дождь хлестал,
И в поддываньях, хрипах, стоне
Цветок кровавый расцветал.

В башке уверенность крепчала:
«Беглец, бедняга, обречен».
Но вдруг аллюрный мокрый чалый
Нелепым сбоем отсечен.

В законах физики крутились
Два тела, мягких и живых.
Все, что положено, разбилось,
И звук погони вмиг затих.

Свинцовой чернотой налились
Желанья, ненависть, бытье.
Лишь кровь несдержанная лилась
Да коростель скрипел свое...

В ДАЛЕКОМ БЛИЗКОЕ УВИДЕВ...

Речным песочком отласкалась
Шальная детская пора.
На теплых плесах отплескалась,
Как сон далекий, как игра.

Воспоминаний рой несметный
Стучится пальчиком немым.
То, что казалось неприметным,
Всё стало опытом земным:

Врагов чудовищные козни,
Девчонок слабых ноготки,
Их соблазнительные косы,
На лямках драные портки,

Трофеев детских вечный запах,
Оружие любых систем,
Восторг и страх в костерных залпах,
Доступность всех запретных тем,

В рогатке глаз в прищуре узкий,
Жмых – лакомство военных дней,
Чужие яблоки под блузкой,
Бег ручейковых кораблей,

Слова давно забытой клятвы,
Глаза прозрений и утрат,
Пунктиры дедушкиной дратвы,
Подшитых валенок парад,

Удар кинжальных похоронок,
Трехжильных баб бездонный вопль,
Манящий бег трудяг-трехтонок,
И незнакомое: «Акрополь»,

ШКОЛЕ. ГДЕ УЧАТ ВСЕМУ

Науки юношей питают.
Без них, родимых, – никуда!
К концу учебы отличают,
Кто был философ, кто балда.
Как строить фразу. Чем закончить.
Как хлор добыть, не пострадав.
Как классику не опорочить,
Творцам все должное отдав.
Куда влупить бином Ньютона.
Зачем бензольное кольцо.
Где яйцеклетки и протоны
И где пингвин хранит яйцо.
Все это в школе, в классе, в доме,
Сквозь звуки всяческих хитов,
В восходном чистом небосклоне,
В объятьях призрачных оков...
Но детство школьное минует.
Вручат с цветами аттестат.
Вас жизнь обнимет, упакует...
Но школа – вечный друг и брат.
Беспечность памяти и счастья,
Многозначительность мечты,
Утекшие в печаль напасти –
Всё это ты, родная. Ты!

10.05.00

**СОБРАЛИСЬ
ДРУЗЬЯ И ТОДЫ**

МОЕМУ ПОКОЛЕНИЮ

Мы все по жизни разночинцы,
разнокалиберная суть.
Скорее слесари, чем принцы.
Но сколько нам пришлось хлебнуть!

Хлебнуть от подлой, глупой рати,
звездящей молотом мозги,
серпом кромсающей распятыя
людей, как хлебные круги.

Коммунистические бредни
опустошали нас всерьез,
всех нивелировали средним.
И без молитвы... Море слез!

И эта странность на Руси:
в пределах кухонных баталий,
под самогон и иваси
мы все политиками стали.

Мы раскалялись добела
под ложь, под фальшь, под пустобрехов
официозного жулья
из мозговых сортов гороха.

Высоцкий, Галич и Булат
нам души развратили светом.
Мы пили с водкою разврат.
О, Боже! Как мы шли к поэтам!

Таких, как наши, нет нигде.
Поэты нам врачуют души,
когда Отечество в беде
или когда пятак от суши...

Прости! В несправедную даль
мы не пошли в колоннах стройных.
Потерь великих страшно жаль.
Великих и Руси достойных.

Я поколение пишу.
Оно опять творит и бродит.
Хвалить иль хаять не спешу.
Оно еще себя... находит.

Я оглянулся – август, Русь,
дорога, дураки и водка.
На луговине белый гусь.
И в радуге идет молодка...

5 августа 1997 г.

Нагрянут друзья.
Откупорится радость.
В курятнике слов
снедь закланно шкворчит.
Прольётся бальзам
и на то, что сказалось,
на всё, что доселе
утробно молчит.
Заботы отстанут.
Присядет блаженство.
Прозренья –

как искры

костра

в небеса!

И вот уж

в подругах

само совершенство.

И дружба

готова

творить

чудеса!

СОРОКАЛЕТНИМ

Мы в этой жизни сорок с лишком лет.
Сквозь спины и зады не прём в партеры.
Ни в чей висок не плюнул пистолет,
Никто не лёг у гусениц «Пантеры».

Да, мужики, нам сорок с лишним лет...
На трупах мы не строили карьеры.
Кой у кого наборы эполет,
А кто-то ходит в старших инженерах.

Но в нас живёт ещё не старый чёрт.
Мы, в основном, справляемся с делами.
От пустословья поблевать за борт
Нас тянет, правда, теми же словами.

Пока ж нас незакатною звездой
Манит простор и трепетные дали,
И сил хватает ринуться в прибой
И посмеяться, если обокрали.

Ну, что ж, ребята! Жизнь идет вперед!
Нас ростом догоняют ребятишки.
И силы есть, и дел невпроворот,
И мы ещё свои напишем книжки!

1980 г.

НЕУТОПЛЕННЫЙ ЩЕНОК

Сангвиникам – постытины поболе.
Тиранам – больше склоненных голов.
Прелюбодеям – блудниц не в неволе.
Обжорам – треск нагруженных столов.

Подонкам – простодушных бесконечность.
Неряхам – вседозволенная стать.
Доверчивым – наивная беспечность.
Бездельникам – бездумья благодать.

Творцам – сюжета жилы золотые.
Художникам – глубинное чутьё.
Настырным – тропы горные крутые.
А сыщикам – смышлёное жульё.

А я люблю цветочки-василёчки,
Ржаных волос сухое забытьё
И под гармонь «Весёлые денёчки»,
А в сене это бывшее былё.

Бесстыдных губ призывные запреты,
Разор тихоням от лукавых глаз.
Частушечные, звонкие приветы
И дробный, немудрёный перепляс.

Корявых слов тягучая значимость,
В картофельной огранке чугунок,
А в миске огурцовая причинность,
И от лампад в подсветке потолок.

Залапанный графин с отбитой шляпкой,
Лафитников гранёных грустный чок,
И силуэт за обветшалой тряпкой,
И спящий неутопленный щенок.

ВСТРЕЧИ НА АХТУБЕ

Кукушечка раскованно и чисто
Мне окорот ссыпала в туюсок.
А от закатной тишины лучистой
Лёг на плечо багряный поясок.
В густом, нерукотворном небосклоне
Проклюнулись караты вечных звёзд.
В нежданном, жутком, леденящем стоне
Выпь отрешила всех от грёз.
Земля теплыню пряной исходила.
Мерцал рубинами беспламенный костёр.
И тонким, бледным серпиком всходила
Луна в недолгий, летний свой дозор.
Опять незабываемые ночи.
Друзей неблизких близкая пора.
Никто заснуть сегодня не захочет:
Уха, жарёха, свежая икра...
Со встречей кружки громяхают в чоке.
Со встречей сердце благостью полно.
И прут в тетрадь неторенные строки,
Хотя от них и не всегда смешно.
Любимых лиц и глаз хмельное счастье,
Повествовань радостей и бед,
И непопады детского участия
В нескучной откровенности бесед.

Накопленные за год пасторали,
Московских анекдотов блеск и смрад,
Неизгладимой вечности скрижали
И розыгрышей буйных маскарад...
Я жду тех встреч, как будто очищенья
От скверной прозы, суеты и лет...
От школьных дней в сердцах несём влеченье,
Прозрений чистоту и фантазёров бред...

НА СМЕРТЬ ТОВАРИЩА

Опять холодным опахалом
Сердца живых опалены.
И души, будто под обвалом,
В кромешной тьме погребены.

Слова пусты. Нещадье полно.
Нет сил коварство перенести.
Несправедливости просторно,
Ей незнакомо слово «честь».

В расцвете сил уходят люди,
Опустошив друзей сердца...
Когда же смерть бояться будет
Неотвратимости конца?!

ДРУГ

«Друг никогда не умирает,
он просто быть перестает...»
Он где-то рядом обитает
и счет вести не устает.

Он счет ведет моим делам,
моим усталостям и болям.
Он помогает только там,
где ждет меня моя недоля.

Он всю мне радость отдает.
Себе ж берет коктейль несчастий.
Он чуждых псалмов не поёт
и не сулит святых причастий.

Он перестал ходить ко мне.
Он не смеётся и не спорит.
Но в každоночном полусне
он лишь под утро в боль уходит.

Бес

Вовка рухнул на лес.
Разбросал по кускам
Он свои неземные доспехи.
Был такой молодой,
необузданный бес,
Жизнь любил, как безумец утечи.
С белозубой улыбкой
рассветы встречал.
На закате румяном, как черт, хохотал.
Все шутил, возмущал
тараканов и сов,
Толстозадых друзей
вырывал из штанов.
Угрюмордых палил
искрометным умом,
Из игры выходил
он с ферзем да слоном.
Он так верил в себя,
он так верил судьбе!
Руль отдал от груди,
и в звенящем пике
В бездне света глаза
налились темнотой.

Бездне скорости не прохрипишь:
«Дура, стой!»
Разбросал серебристые крылья птенец.
За секунду в мозгу
промелькнуло: «Амбец...»
Отшумел беспокойный
уступчивый лес.
Успокоился бес,
успокоился бес...

Заложены судьбой мы в недолеты.
Не потому, что щербины в мозгах,
А потому, что брутто, нетто, кто-то
Из нас готовил винтики за страх.

За страх наполнить душами тюрьму,
За страх голодным в зиму оказаться,
За страх уйти в неведомую тьму
И кто стучит у нас в застольном братстве.

КАМЧАТКА

Я грудь твою, далёкая Камчатка,
Увидел из-под лезвия крыла.
Вот бухта Сельдевая, как свинчатка,
Рыбачий полуостров облегла.

А впереди, за частоколом сопок,
В маневре самолетном, из окна,
В тягучей дымке, словно белый хлопок,
Вулкан Авача – стылая волна.

Окутан гневом внутреннего ада,
Дымит курилка в беспокойном сне.

• В чалме, как шах, – высокая награда –
С султанчиком, послушным сатане.

• Корякской сопки грани разрывные,
Алмазы полированных снегов,
И стайки истребителей стальные
Для охлаждения всяческих врагов.

Здесь пограничье – значит, всё на страже.
Всё далеко, а значит, всё в цене.
Здесь пустобрехам неча делать даже,
А труд, пожалуй, труден здесь втройне.

Здесь множество проблем неразрешимых:
Металл, лимоны – только с кораблём.
Но здесь народ пород неустрашимых –
Философы с кулибинским чутьем!

Я рад, что я помог им в чём-то малом.
Я б десять раз по столько им отдал!
Мне в грудь камчатский ветер влез нахалом
И всю привычность мерок поломал.

ТРИ КОЛОДЦА

Роскошная юность. Романтики впрок.
Мурашки от страсти полетной.
Счастливых и дерзких в чужой уголок
Забросил нас дух донкихотский.

Калились на солнце в безбрежье песков,
Решались, лишались, стонали,
Роптали во сне от потери оков
И новых друзей обретали.

Влюблялись вполсердца в огранке бархан.
Страстями поились, как водкой.
Шкворчал на шампурах курдючный баран.
И кто-то не брил подбородки.

Песок был не сахар, а солнце не миф.
В обойме дремали патроны.
О, если б увидел воинственный скиф,
Какие в пустыне газоны.

Тамды, Зарафшан, Бешбулак, Уч-Кудук.
Названья и судьбы, как грезы.
От этих колодцев судьбы виадук
Несет побледневшие розы.

Считать не хочу промелькнувших годов.
Удары, этапы и раны.
Хочу лишь под сенью возвращенных садов
Менять воспоминаний стаканы.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Ах, человек! Копилка всяких лет.
Кому приятно вновь итожить числа?
Ведь каждый год «недремлющий брежет»
Звонит исправно об утратах кисло.

Но есть резон от счастья не уйти,
Отдать другим свои сердца и души
И на кусках подлунного пути
Любить, страдать, чужого не нарушив.

Мне краткость слова права не дает
Вложить в поклон сокровища и муку...
А все же солнце каждый день встает,
И, рыжее, садится к нам на руку...

ТОЛЕ

Подкатила кругленькая дата,
Незаметно, буднично, как сон.
Поседали здорово ребята,
С кем пил водку и вдыхал озон,
С кем дружил душою, без опаски,
С кем гудели ночи напролет,
С кем чудил с икрой и колбаской
И делил последний бутерброд.
С кем пихал бревно на лесосплаве,
С кем лыжной сверкающей хрустел,
С кем был рядом в горе, в боли, в славе,
Только Константин, вот, не успел...
Жизнь творит сюжеты и прозренья.
Русь – неординарная страна!
Мы тебе приперли поздравленья,
А страну «рас...дили» до дна.
Не хочу прослыть секунд-пророком.
Нас не запугаешь, не сморишь.
Надо собираться не по срокам,
А когда тоскою забренчишь.
Мы пришли тебя обнять и вспомнить,
Пожелать семье твоей добра.
Мужики привыкли экономить
Чувства, как краюхи серебра.

Но сегодня праведно и пряно,
Не стесняясь женщин и детей:
«Толя! Ты наш парень без изъяна,
Ну а мы – сердца твоих друзей!»

ДЕНЬ АНГЕЛА

Август грусти нацедил,
рюмки памяти наполнил,
что-то там разбередил,
в тихом тосте всё напомнил.

Собрались друзья и годы.
Сели поодаль враги.
Неизвестно чьей породы
притащились две карги.

Вот свидетели, вон судьи
праздных дней и прозных лет.
Не закрестишь словоблудьем
пяди счастья, горя бред.

Плата медленно подступит,
сини губы разомкнёт,
оскопит или отлупит,
иль из жизни умыкнёт.

Уговоры не помогут,
Приговоры не смягчат.
И не лезь с мольбами к Богу.
Палачи в ночи торчат.

Казнь свершится не впервые
(каждый годик на счету,
все приёмы – болевые):
за убогую мечту,
за невольные паденья,
подлость духа,
глупый нрав...,
боль души в волнах сомненья
в сострадатели отдав.

Окропишь святой водицей
жизни праведной росток
и опять свои границы
меряй, помня злой урок...

РОССИЙСКОЕ НОВОГОДНЕЕ

В России стол – не показатель.
Он вечно ломится от блюд.
Он как последний обладатель
фантазий, изысков и чуд.
Мы на последние копейки
приносим семгу, «Брют», икру,
румяним утку иль индейку
и ждем счастливую пору.
И в этот раз мы расстарались,
готовясь встретить Новый Век.
Раз в високос в живых остались –
давай, надейся, Человек!
И мы греховно, принародно
несли непостную еду,
чтоб под куранты, хороводно
отмерить праздничную мзду.
Отпить, отпеть, откуролесить,
надежду в Святцах подбодрить,
условности в ветвях развесить
и фантазийно побродить.
Любовь отдать родным и Богу,
забредить праведной мечтой,
сорвать с души сужейства тогу
и взять Прощенье на постой...

январь 2001

ОПЯТЬ ВЕСНА, ОПЯТЬ НАДЕЖДА

Друзья! Опять пришел ваш час.
Вы повзрослели, слава Богу!
Окреп ваш внутренний каркас,
но лик ветшает понемногу.
Мудреет взгляд, смягчает плоть,
моча желтеет струйкой тонкой.
Все реже хочется бороться,
совсем не хочется под танки.
Но жизнь циклит, кружит и пахнет.
Опять Россию не понять.
То где-то ухнет, где-то ахнет.
Все ищут: где б опять занять.
Украли все, и даже больше.
Весну украсть лишь не смогли.
И вот деньки пришли подольше.
Надежды в душах сберегли.
Опять желания проснулись.
Опять на щепки лезет кол.
Самцы и самки вострепнулись,
и каждый ждет заветный гол.
За жизнь, ребята! За прозренье!
За море всяческих забот!
Пусть будут радостны волненья
и удовольствий – полный рот!

ДРУЗЬЯМ

Мне сильные друзья
В поэзии – подруги.
Они цари, князья,
Как паруса на струге.

Они мне как восторг
От искренности счастья.
Они мне как багор,
Когда тону в ненастье.

Мне нежности всегда
Немного не хватало.
Я искренний балда,
За что плачу немало.

Господь мне дал простор.
Пристрастья в нем не меркнут.
Лишь иногда укор
Откоготит, как беркут.

Но в сочетанье мысль
Бальзамом разольется.
Вон перлы разлеглись.
Все в стих опять сольется!

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мне хризантем не принесут,
Уж если только на могилку.
Мне точно коньяка нальют
И осетра наткнут на вилку.

Хрусталь со звоном поднесут,
Доброжелательно процедят.
Чужую песню мне споют,
Пока грешки по жилам бредят.

Засунут нос в мое здоровье,
Врагов меняя на друзей.
Мне лучше бычье, чем коровье.
Мне лучше пляж, чем Колизей...

уста 2001

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОЛИ

Наш возраст философски утончен.
Нам не нужны раскаты поздравлений.
Нам, слава Богу, жизнь всю течет
Без глупости и мерзких потрясений.

Нам хочется болезни превозмочь,
Друзьям и детям «подмогнуть» пристрастно.
И чтоб невзгоды гнать метлою прочь,
И чтобы завтра было ясно и прекрасно.

Нам душу греют дети и друзья.
Нам скверно без надежды оказаться.
Нам без застолья вроде бы нельзя.
И после рюмки все простить мерзавцам.

Мы от судьбы, конечно, не уйдем.
Она у нас, как речка, в перекатах.
Мы, может быть, до счастья не дойдем,
Но и не будем веселить кастратов.

Ты до сих пор прекрасна и стройна.
Тебе дивятся мужики и снобы.
Ты, правда, целомудрием больна,
Но все в тебе из высшей, чистой пробы.

Тебя одеть не стоило труда.
Тебя облить и ситчиком, и шелком –
И вот уже восторгов череда,
И зависть где-то рядом воет волком.

ВОЗРАСТ

В нашем возрасте столько времен!
В нем Монтени, Тациты, Сократы,
В них событий прекрасных притон
И чудесных судеб перекаты.

В нашем возрасте столько времен:
Постиженья дают результаты.
Все возмездные раны-трактаты
Мы храним у пробитых знамен.

В них зияют, мерцают, парят
Лица, руки, печальные губы,
Тризны, встречи, прозрений парад,
Иногда – триумфальные трубы.

Родники наших дней растеклись,
В них мы часто бальзамили раны.
Мы от них чистотой запаслись
И поили друзей и... баранов.

Так устроен наш миг на земле:
Мы картавим, идем на тараны,
Мы хлебаем, что сварят в Кремле,
И опять эти смерти и раны.

Вдруг приходит прозрений черед.
Мы в огляде мосты поджигаем.
Бинт с засохшею кровью срываем
И опять в Сент-Готардский поход.

Да, Господь за грехи нас корил.
Жизнь прекрасна! Трубит, как отрада.
Нам от жизни немного надо –
Лишь бы друг твое сердце хранил.

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Медовый месяц должен пахнуть медом,
Простым подворьем, с ямочками щек
Духмяным, хлебным обожженным подом
И счастьем, вдруг присевшим на порог.

Запутанные негой дни и ночи.
В бочонке сверхрамашковый букет.
И вкус греха, пьянящий, непорочный.
И силуэты свадебных карет.

Наивность слов, влекущих в пасторали,
Чванливых отторжений серый хвост,
Непреходящей вечности скрижали
И в травах, над речушкой узкий мост.

Шопен, залитый в душу, в сон хрустальный
От ручейковых трелей чистых вод.
И купол храма, бликовый, сусальный.
И Бог послал не високосный год.

Медовый месяц должен пахнуть медом,
Разливами, созвездьями щедрот,
Мешающим, чувствительным народом
И одоленьем истин и высот!

12.07.01

СИ!

(Изучение испанского)

Эль Греко. Гойя. Прадо. Команданте.
Кастильский нож. Адажио. Анданте.
Шептанье маракас. Треск кастаньет.
И в Арагонской хоте вздыбленный паркет.
Из губ и страсти чудный силуэт.
А у тебя в запасе столько лет!
Горящие маслинные глаза.
От локонов слабеют тормоза.
И эта Карменсита-егоза...
Я про испанский вам не всё сказал!

МОЕМУ ДРУГУ

Марток – беспутный мракобес,
То поиграет снегопадом,
То в поле зазмеит, то в лес,
То меховым щедрит нарядом.
Звенит сосулечным рядком,
Капелью зиму прожигая,
Со снегириным говорком
С рябин рубины рвет, играя.
С метелок бывшего быля
Щеглиной стайкой разноцветной
В стерильной белизне белья
Натрусит радости предметной.
Вот в это муторное время,
Когда Весна свербит в Зиме,
Когда пернатых стаек племя
Кочует по Святой Земле
Родился мальчик с добрым даром,
С пытливым взглядом и умом
И темпераментным пожаром
(Коснись коленки под столом...)
А что? Судить сынов Давида
Берется каждый мудозвон.
Во всех трагедьях Еврипида
Участье принял Либерзон.

Печальным взглядом в сто карат,
С агатом в бахrome ресниц,
От продавцов до адвокатов
В упряжке русских колесниц.
Он здесь. Он там. Не ждет подарков.
Он русский праведный еврей.
Он от Смоленска до Игарки,
В тени чинар и тополей.
Взметнем бокалы и закусим
(Господь из тех же самых чресл).
И православно все прорусим
От счастья, что Христос воскрес!

Мне нужно Ваше тело прекрасное,
Потому что живет в нем душа
Необъятная, добрая, ясная,
Что стихи мои пьет не спеша.

Все поймет – и надрывы, и радости,
Дурь вождей и Отечества прок.
Почему на Руси горьки сладости...
И под «горькую» сладок порок?

**ДВА РАЗА В ТОД
МЫ ВИДИМ
ЖУРАВЛЕЙ...**

ЖУРАВЛИ

Два раза в год мы видим журавлей.
Два раза в год они нас будоражат.
Весной счастливой встречей раскуражат,
А осенью курлычут: «Слез не лей!
Не лей... Мы возвратимся, как всегда.
Мы принесем весну на теплых крыльях.
И будет светлых будней череда
И праздники в болотных эскадрильях.
Мы для любви в Россию прилетаем.
Мы очень точно знаем что к чему.
Мы о птенцах резвящихся мечтаем.
А в осень

КЛИН

ОПЯТЬ

УЙДЕТ

ВО ТЬМУ»

24.11.2000

ВИСОКОС

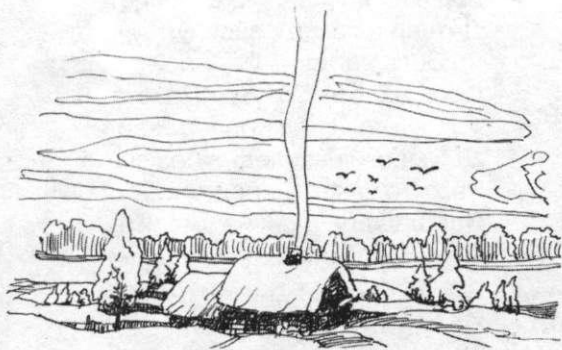
Кончался високосный год.
Он уходил, как отчим, хмуро.
Он уносил все, что возьмет –
надежды, жизни, чьи-то шкуры.
Он уходил, оставив след
в печальной памяти России.
Он бормотал какой-то бред
о Новом Веке и о силе.
Мы все готовились к тому,
чтоб проводить его без всхлипа,
на отходящую корму
забросив чалки, песни, клипы.
Забросив все, что не уйдет,
лишь на дистанцию отпрянет.
Детали в памяти завянут,
но Боль нагая не умрет.
Прощай, без Славы и Почета.
Ты был, ты след пробороздил.
Для многих наследил без счета.
Чего-то зачал, народил...
Прошедших дней не умалить
ни в омерзеньи, ни в величьи.
Как в бронзе, в памяти отлить.
И... отпустить в просторы птичьи...

декабрь 2000

ПРОЩЕННЫЕ ФЕВРАЛИ

Февраль месил морозный воздух,
Остервенело тряс снега,
Сдувал с сугробов толстомордых,
Как пух, краюхи серебра,
Глумился, щёчки обжигая,
В пуховках пальчики немил,
В ночи метался, подвывая,
Всех о прощении молил,
Хрустел в ночи в копытном топе,
Все лез к влюбленным в поцелуй.
Он знал, что скоро, при потопе,
Всё превратится в нежность струй.

ДУША ТОМИЛАСЬ

Зима не удалась. Слезилась непристойно,
Хлестала мокротой по лицам и стволам.
Тревога туч неслась по Подмоскovie.
Зло путалась, всё рвала пополам.
Все колеи заполнила приметно
И холодом свинцовым налила,
Закиселила слякотью заметной
И в полудреме жертвы стерегла.
Душа томилась, ежилась, страдала,
В тепло просилась, билась в серой мгле.
Ах, глупая, она совсем не знала,
Что от любви вся радость на Земле!

МАРТ

Снега хрустят, немного выюжит,
Но март всем золотом лучей
Поля российские утюжит,
Как расточитель-казначей.
Сугробы запотеют влагой,
Туман прожорливый вскипит,
И со своей хмельной ватагой
Весна в Россию прилетит.

Взовьются трели и надежды.
Сердца – как птицы взаперти!
Славянки зацветут, как прежде,
И от любви им не уйти.
Им не уйти от слов признанья,
От восхитительных речей,
От страсти нежной, от терзаний
И от интимности свечей...
Цветите, женщины, мечтою,
Алейте естеством крови.
Мир дышит ровно над страную
В заботах ваших и любви.

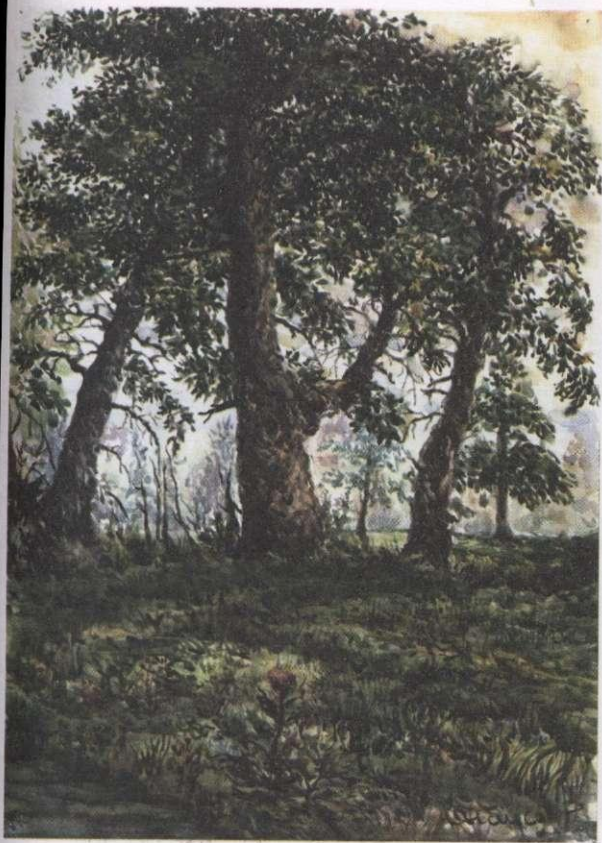
1 АПРЕЛЯ

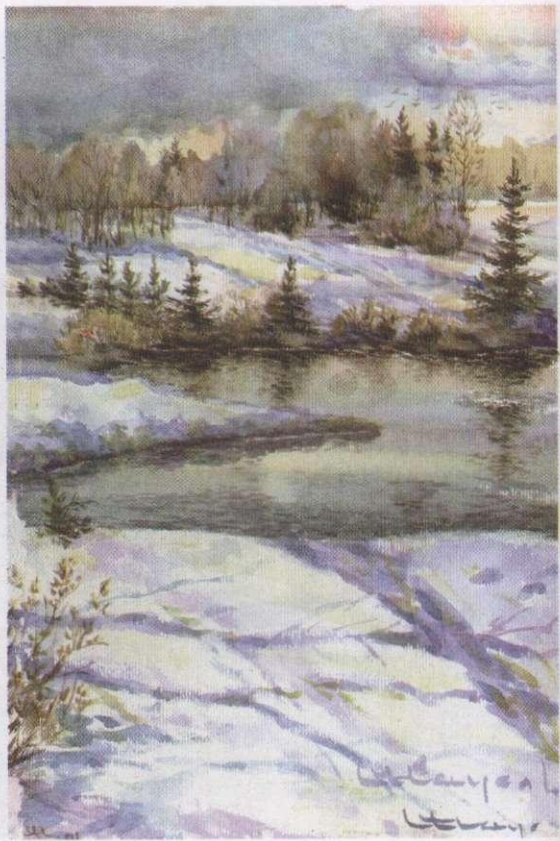
Из этих снежных холодов
Приходит первое апреля.
До Пасхи не одна неделя,
И каждый ждет ее плодов.
Мы подустали кутать души,
Скучать и медленно стареть.
Сегодня ставим все на уши
И будем пить, гулять и петь.
Дурачить перлами старушек,
Серьез друзей разворошить,
Недобрых масок строй разрушить
И гнезда злобы разорить...

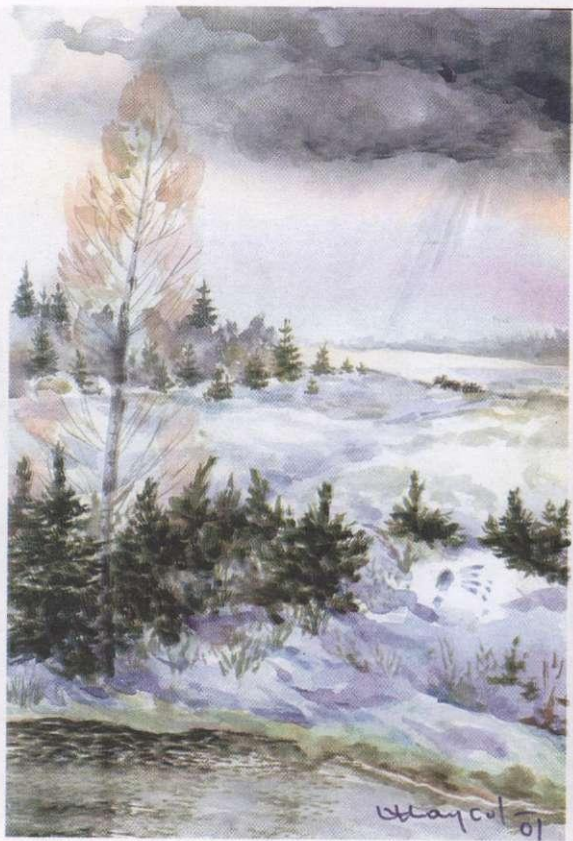

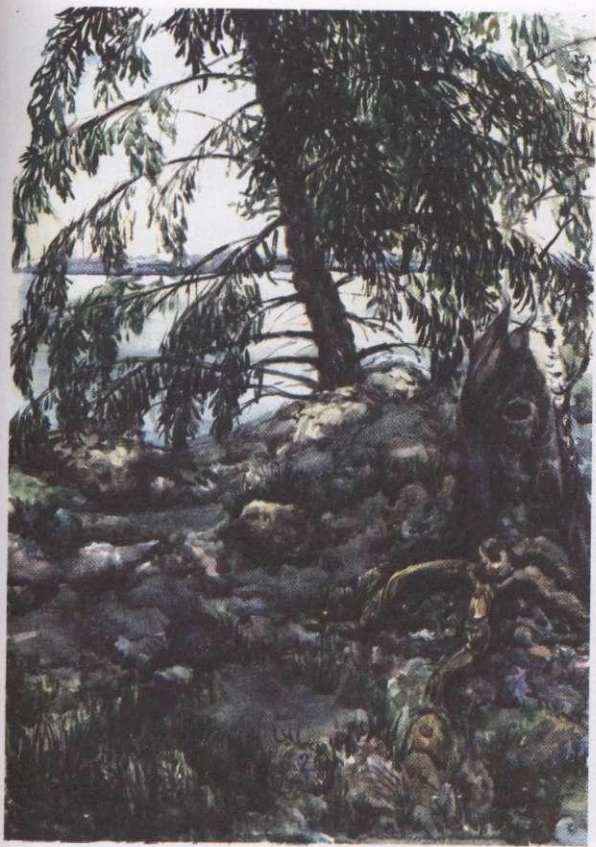

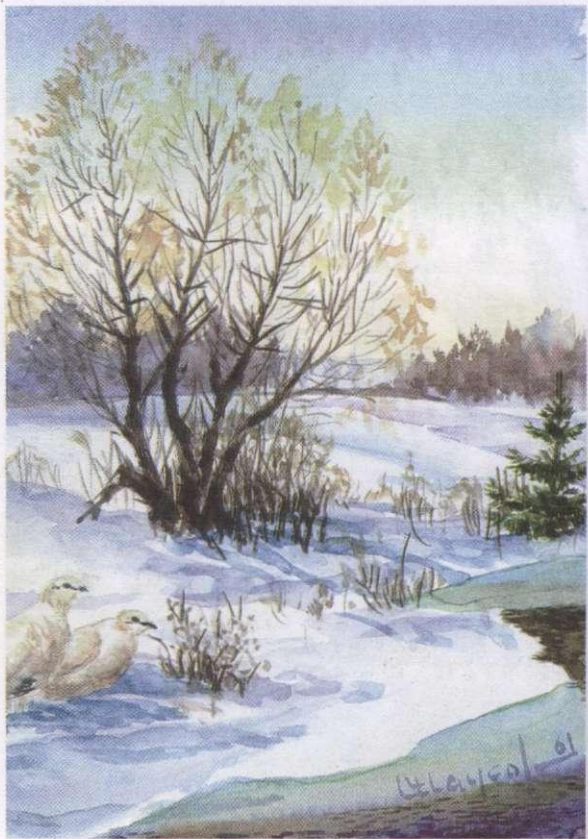

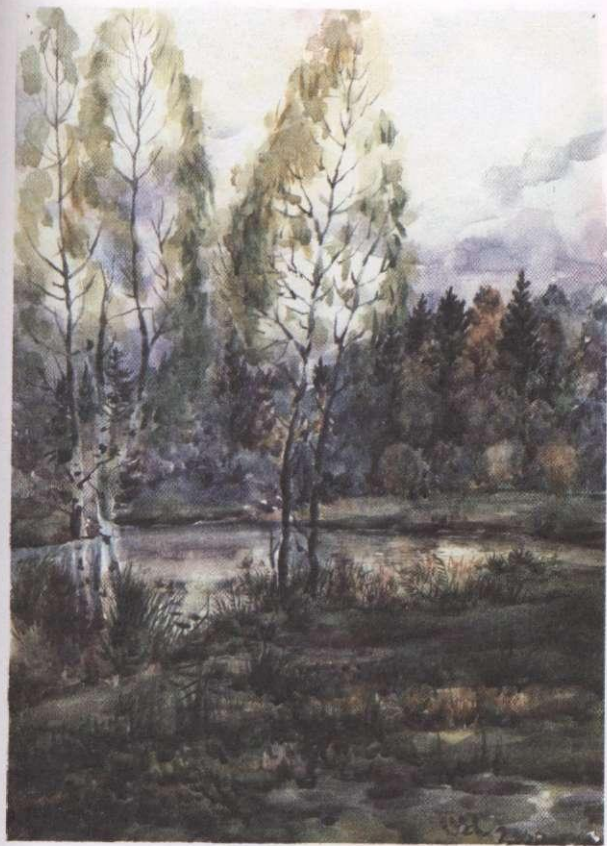

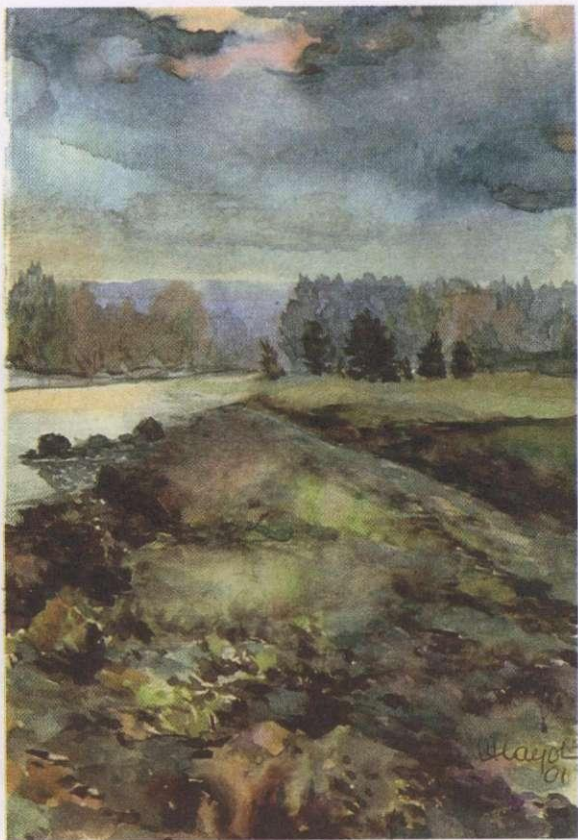

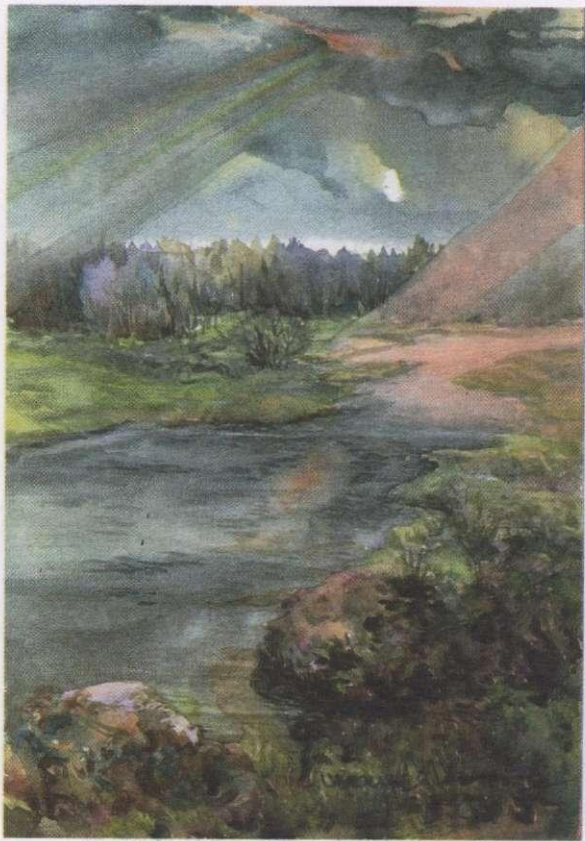

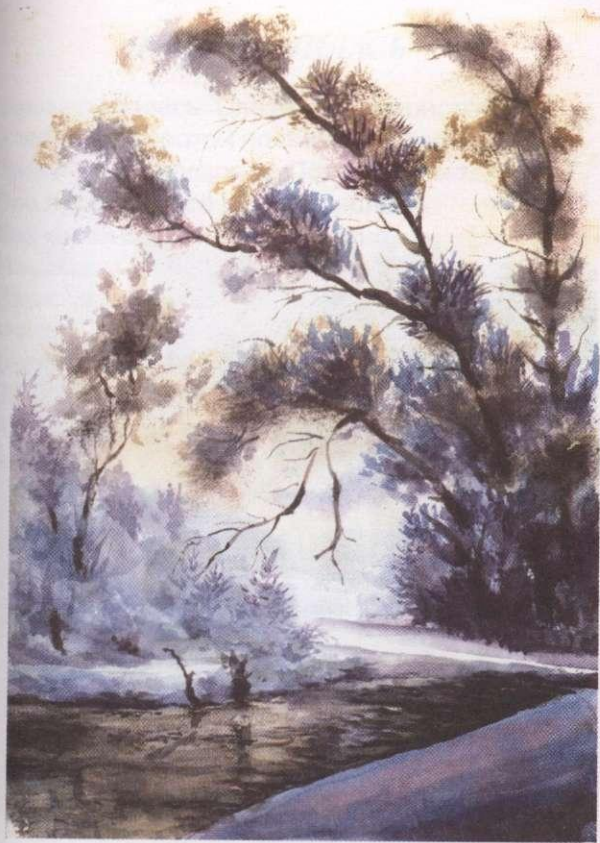

ОПЯТЬ ВЕСНА

Опять весна, как кошка, подкралась.
Чесала спинку, гретую на солнце
и коготками теплыми дралась,
ручьи сливая с ледяных оконцев.

Мурлыкала ручейным бормотком,
в сердца впускала теплую надежду,
шуршала влажным тающим снежком,
съедаая молью зимнюю одежду.

Дедки в тулупах штопаных сидят,
прищурились китайским бледным щуром
и самосадом медленно смердят,
следея, как петухи радеют курам.

Собачьи свадьбы кружат по тропам.
Сучонки от вниманья озверели.
В навозных кучах запарился срам.
И скворушки уж, суетясь, запели.

Обувка хлюпает и сердится ежом.
Детишки искушеньями исходят.
И радость носится оттаявшим стрижом.
И в старичках шальные мысли бродят.

Вот и весна на теплых лапах
котенком рыженьким пришла.
Прочь прогнала зимы сатрапов,
капелью рыхлый снег прожгла.
Алмазной гранью засверкала
в крышных сосулечных рядах,
надежду с щедростью раздала
и разлила ее в сердцах.
Циклит в природе мрак и свет.
Циклят умеренность и страсти.
От сочетания планет
уйдут российские напасти...
Но март хорош разливом света,
прозрачной тенью от берёз.
Меняет сани на карету
и не жалеет чистых слез.
И пень под снежным малахаем
потеет, лысиной паря.
Бубнит: «Вот щас поотдыхаем
и расплодим опят моря...»
Синицы в бодрости голодной
снуют по дуплам, по стволам.

Уходят в трепете холодном
страданья с горем пополам
Светлеют души и прозренья.
Коты на крышах ждут подруг.
И в полуснах, в полувиденьях
растёт влюблённых сочный круг.
И женщин пальчики теплеют.
В груди бурлит весенний сок.
От взглядов страстных души млеют,
и бьют сомнения в висок...
Не зря в земных садах Эдема
Адам отдал ребро своё.
Нам, мужикам, нужна богема.
Ах! Как мы б жили без неё?
Мы славим женские ланиты.
Мы славим глазки, губки, стан.
Мы с вами лепотой покрыты.
Без вас мы – голубой изъян.
Живите страстно и свободно,
лишь сексуальностью дыша.
Вас любят тайно, принародно...
Вас любит тело и душа!

ВЕСНА, ЛЮБОВЬ И ВСЕ СНАЧАЛА...

Земля опухла от снегов,
От сна, от колкости морозов.
И захотелось от неврозов
сбежать в душистый сон стогов.
Цепочкой голубых следов,
не расплескав свои начала,
начать бы кое-что сначала.
От тихой речки, от прудов,
от ненасытного раздолья,
от простоты еды и слов,
от сеновальных пьяных снов,
от редкой праздности застолья,
от солнцем жаренных веснушек
в молочной сдобе детских лиц,
от бахромы тугих ресниц
и от нещедрых лет кукушек.
Осколки мартовского дня
весь год преследуют меня.
Тот день в мужской крови разлился
бутоном алых губ, как роз,
соцветьем глаз, ресниц-стрекоз
и детским счастьем повторился.
Им – нашим матерям, любимым –
мы тщимся всех себя отдать,

над нами радостью поднять,
восславить труд невосполнимый.
Как жаль, что только раз в году
мы это делаем охотно,
осознанно и донкихотно,
в любовно-трепетном бреду.
Мы так привыкли женским днём
всё лучшее отдать без сдачи,
слова сказать вам на удачу
и спеть вам в марте соловьём!

ВЕСНА В МОСКВЕ

Сыпануло дождичком по лицам.
Отмахнулся ветерок крылом.
Опрокинул, походя, столицу
На асфальт весенний первый гром.

Зашипели лужи от такси.
Расчудились почки негой цвета.
Ритм знакомых улиц запросил
Акварелью брызнуть роскошь лета.

Запотел фисташковою пряжей
Аскетизм навечно вставших лип.
И малыш, почуяв дух бродяжий,
К ручейку в сандаликах прилип.

Безумство. Щедрость. Ночь в июле.
Эфирных звезд немой кортеж.
И смерть от сладострастной пули.
Рой утопических надежд.

Танцуют где-то Эвридики.
Ромашки клонятся в ночи.
Костра трепещущие блики.
И филин в жуткости кричит.

Лесной хозяин скалит зубы,
И откровенность в козырь прёт.
Страсть мнет пылающие губы,
В которых Бог и грех живёт...

Глазастое ромашковое братство
рассыпалось по бархатным лугам.
Роскошное июльское богатство
готовилось улечься по стогам.

Готовилось. Ну а пока плескалось,
шуршало, пахло, цветом распалясь.
Как будто с желтым солнцем состязалось
и целовалось, неба не стыдясь.

ОСЕННИЕ ПРОЩАНИЯ

Осеннее солнце нежданно согрело.
Осеннее солнце не жгло, но горело.
Ведь осень уюта нам в душу не льет.
Она вся в прощаньях печалью поет.

Она так прекрасна – как табор цыган,
когда шелк и атлас шуршит про обман.
И ветер-бродяга, подолы задрал,
чудит, укрощая недевственный нрав.

Она акварельна, без нудных дождей,
лишь утром слезится, как старый еврей.

Потом просветленно чеканит стволы.
И гроздья рябин так прекрасно голы.

Ах, осень! Ты вся на прощальном витке.
Зима белым псёнком трусит налегке.
Вот-вот уж завоюет волчицею злой
и осень накроет нещадной волной.

КАНУН

Золотая земля в мирном шепоте трав,
В голубом половодье туманов,
Лето красное в честных трудах отстрадав,
Всё готовит к приходу буранов.

К Покрову отряхнет многоствольную рать,
На дубах лишь оставив кудряшки,
И заставит зверюшек привычно страдать,
А на ёлках развесит стекляшки.

Русь для бодрости стужу парную вдохнёт,
Зарумянит щеками, взбодрится.
Отлетающий клин горсть слезинок прольёт.
И до снега ей будет груститься.

Ночь до синего хруста приглушит шаги,
Пух снежинок бесшумно процедит.
От сквознячных степей до недвижной тайги
Белым чудом глумливым забредит.

ОТ ФАКЕЛОВ МЕТАЛАСЬ СИНЕВА

У сумерек прикрытые глаза,
и синева в дремотной поволоке.
Год високосный жить всем приказал,
но не открыл грядущие истоки.

От факелов металась синева.
Прощальный стол ломился от фуршета.
От тостов не кружилась голова,
все знали равнодушие брегета.

Руины замка тенями легли.
От русской водки души потеплели.
Мы вспомнили, кого не сберегли,
и кто упал, не доходя до цели...

Слова текли рассудно и тепло,
крылом надежды души осеняя.
Искрилось в тостах звонкое стекло,
и факелы тревожно свет роняли.

Господь внимал не смертные грехи,
у праведников гибельность треножа.
И растекались чистые стихи,
сердца и бессердечие тревожа.

13 января 2001

НОЧНОЕ

Туман растекся блеклой пеной,
Залил овражки, смял кусты.
И, словно таинство вселенной,
Над лугом лунный свет застыл.
Стреножил лошадей понурых.
Налил прохладой тишину.
Толпу копешек светло-бурых
Согнал под старую сосну.
Укутал пухом ножки, плечи.
Болот глазницы замутил.
Заботы жизни бесконечной
На миг ночной укоротил.
В кострах пастушеских зарделся.
Ночные звуки притушил.
С подружкой-речкой слился, спелся,
В низинах шлейфы распушил...
Сердечных мук тропинки спутал.
Позвал в свидетели росу.
Сонливых сладким сном окутал.
Цветов и трав сокрыл красу.
А за околицей на брёвнах
Счастливый Сенька-губошлёп
Из глаз Наташкиных зелёных
Соринку ревности извлёк...

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕТЕ

Рассвет слизнул уставшую звезду,
Распотрошил подушку перьевую,
Залил кувшинки сливками в пруду
И ночники гасил напропалую.

Крик петушиный веки рвал от сна.
В сарайном чреве золотились щели.
А голова кружилась от вина,
Разлитого в сухой сенной постели.

Тулупчик запах детства отдавал.
В подойник пенно собиралось счастье.
Дымился пыльной струйкой сеновал.
А день тянул с лежанки за запястье.

Дождались косы утренней росы,
Трава в слезах уж не ждала пощады.
И пробужденья светлого часы
Текли в сердца надеждой и отрадой.

Я перевозданной силой налился.
Побывка тихой нежностью кончалась.
Разлучник-срок ещё не начался,
Но уж печаль ромашкою качалась.

Златогривые закаты
всем покоя не дают.
В горне жарком на полсвета
чистоту небес куют.
От восходов синь булата
в души детские прольется.
И в бессмертных душах наших
Русь печалится, смеется...

ЭТЮД

Пауки развесили стряпню.
На прозрачных нитях бисер дремлет.
Роскошь лета, стоя на корню,
Трепетно и тихо Богу внемлет.

РАДУГА

Кто-то тёплой, щедрою рукой
Семицветье выгнул над рекой.
Над озерным краем, над лугами,
Над любви крутыми берегами,
Над лобастым шелковым бугром,
Где дубки черненым серебром
В белоствольной нежности стоят,
Кудри сушат, млеют и молчат.
Семицветье обновляло маки,
Лилии, ромашки, чудо-злаки,
Васильки, озёрные глаза...
Так прощалась летняя гроза.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ОСЕНИ

Ещё зелёный шум ветвей
Шептанье ветерка доносит,
И охра скошенных полей
В творцах пленэра сбыться просит.

Ещё багрянец не разлит,
И в кронах золото не блещет,
Ярило-солнце не слепит,
Лишь в утре дымкою трепещет.

Уже стоят стога, стожки
На фоне голубой оправы.
Играют в омутах кружки
Уже холодной переправы.

Калина соком налилась,
Рубиновой икрой зардела,
С зеленым кружевом сплелась
И ждет ночей морозных смело.

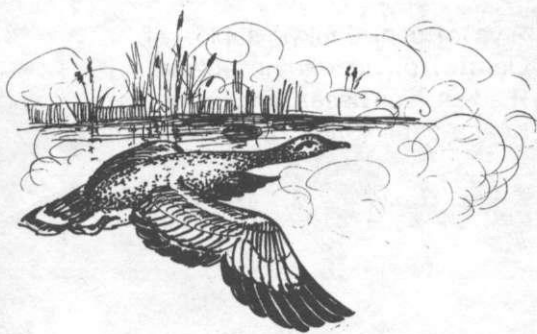
Еще бушует травостой
В нескошенных лесных полянах,
И беспорядочный простой
Врачует души, лица, раны.

Ещё не смолкнул птичий хор.
Ещё орехи в бледных звёздах.
И поползень, как каскадер,
Шуршит по дупелькам скабрёзно.

Еще не умерла краса.
Душа приворожилась к лету.
В ручье русалочья коса
Послушна чистоте и свету.

Но холод вечера так густ.
Роса поутру дольше млеет.
Дрозды вандалят рясный куст.
И смутно новым духом веет.

БАБЬЕ ЛЕТО

Рассветный ситчик, розовея, млеет.
Ломтём арбузным солнышко всходило,
Озёрный глянец трепетно алел.
В святой тиши день раздувал кадило.

Река парила выдохом хмельным,
И омуты бугрились круговертью.
Чирок промчался дьяволом шальным,
И жерех уж стегал пастушьей плетью.

А бабье лето ласково и пряно
По золотому канту из дубов
В своём багряно-алом сарафане
Чудило охрой в тесноте стогов.

Я упустил рыбацкую зарю.
Опять ухой соседи позабавят.
Я всё не так назавтра сотворю,
Краса-заря коль сети не расставит...

ЛИСТОПАД

Листопад сорил печалью,
Злато с охрою мешал
И шуршащей толстой шалью
Тропки сердца покрывал.

Приглашал прохладу в гости,
Синь небес изрисовал
И дубы из черной кости
Серебром гравировал.

Свечи желтые с березы
Всё гасил, гасил, гасил...
И дождинки, словно слезы,
Вечер синий моросил.

Все прощалось, разлучалось.
Роскошь зелени ушла.
Осыпалось, оголялось...
Наполнялась лишь душа.

10.10.2000

КОСАЧИ

Засучили черные штаны,
наострили шпоры, клювы, взоры,
словно озорные пацаны
закрутились в плясках, песнях, спорах.

Солнышком румянилась заря,
разливаясь в чистоте тумана,
а в далекой песне глухаря
отзывались прописи Корана.

Петухи хохлатили рассвет,
отливая синевою булата.
Бились, как отважный Пересвет,
целясь в бровь рябиновых каратов.

Расколосась глыба солнца
на лучистые куски,
словно в родниковом донце
золотые мнут пески.

Залегли, как клинья, тени.
Кроны древ зажглись костром.
Елки сели на колени,
юбкой скрыв грибной постой.

Камыши шуршат клинками,
ряска кряквами пестрит,
плёс зеркальный «под парами»
затуманенный стоит.

Рыбка шлепнет, утка крякнет,
просвистит чирок стрелой.
От любви душа обмякнет
и опустится в покой.

28.09.2000

Осыпался осенний маскарад.
Стриптиз богемный обнажил творенья.
В озерной глади выткался наряд,
приняв в себя багрянец откровенья.

Дрозды крушили гроздья у рябин,
бездумно руша красоту и негу.
В прохладной дымке шелковых гардин
готовилась земля в объятия к снегу.

Я зачерпнул водицы медный ковш.
Я целовал рябину в гроздья-губы.
Бил дятел – необузданно хорош.
И пел камин в задымленные трубы.

УРОКИ ТАРНАСА

МОЕМУ ПУШКИНУ

Сначала в память влез Балда,
непритязательный, дешевый.
Его короткая страда,
но с назиданием суровым.

Потом плескалось Лукоморье.
Златая цепь и блудный кот.
Русалка на ветвях у моря.
Она молчит, а кот поет.

Потом сверкающе-серьезно
тропили витязи тропу.
И ступа с бабой одиозной
толкла совсем не ту крупу.

Куда-то нес колдун презренный
Людмилу-прелесть. Наконец,
и царь-Кощей непоборенный
над золотом чахнул, как скопец.

Сюжеты, версии, вопросы.
Фантазий буйных сладкий мрак.
Сады, чертоги и утесы,
Руслана страстного напруг.

Все было в тонкости одето.
Но всех главнее Русский Дух.
И Русь, как песня, недопета.
Ласкает взор, ласкает слух.

Мы постигали переменно
огромный пушкинский предел.
И бесконечно, вожделенно
в нас тек восторгов беспредел.

Мы упивались строчкой, рифмой,
сюжетом, страстью и судьбой,
проклятьем, подлостью, молитвой,
викторией в Полтавский бой.

Он дал нам мир необозримый.
Он гордость русскую вознёс.
Он Бог,

 он царь,

 он друг любимый!

 Он Солнце!

 Он словесный Крёз!

6.06.99

ПРЕФЕРАНС

Всё та же пряность сигареты.
Всё та же строгость умных лиц.
От преферансовой диеты
Глаза страстей уже зажглись.

Коньяк по капле кровь быстрит.
Ум холодеет от развязки.
Счастливчик цифры теребит,
И карта прёт, как в детской сказке.

Я не игрок. Мне не везёт.
Я лица, души наблюдаю,
И кофе ночи напролёт
Варю и рюмки наполняю.

Я в этой умности – лопух,
Но ритуалы соблюдаю.
Опять остался я без двух –
Без двух ночей. Теперь зеваю.

23.01.82

КРАСИВОЙ ЖЕНЩИНЕ

Мы перезрели в сладкой страсти.
Ты нас калечишь, как котят.
Все, бредя лишь твоею властью,
сбежать в другую не хотят.

Мы все готовы извиваться
от безответности твоей,
как те угри в случайном братстве
в горячей россыпи углей.

Тебя увидишь – хмель, как благо,
ползёт от головы до пят.
Ты улыбнешься – хмель, как брага,
бьет в те места, где звери спят.

Инстинкты, бред, стенанья, стоны –
всё вырывается из недр.
И в каждом пляшет непристойно
от похоти орущий негр.

Ночной покров растаял чисто
И без осадка стек с небес,
А солнце трепетно, не быстро
Поцеловало дальний лес.
Заполошились люди, звери.
Шумами полнился окрест.
Открылись глазки, окна, двери.
В сердцах опять Христос воскрес.
И в этой длани травопольной,
Чуток на запад от Москвы,
Где дышит все первопрестольной,
Но чище воздух и кусты,
С утра, в селятинскую рань,
Качаясь плавно на ухабах,
Не напрягая жизни грань
В руках изящных, нежных, слабых,
Рулит священная корова –
Несметно-палевый предел
С испанским именем не новым.
Я от него сто раз балдел.

Маше Арбатовой
(Читка пьесы в ЦДРИ)

Вонзались блики черных глаз.
Толпа салонная лилась.
Гнездились совы, жаворонки.
Гнездились паиньки, подонки.
Гнездились критики и князи.
Гнездились чистые от грязи.
Лишь розоватые кабуки
в толпу не вкладывали звуки.
Затих Каминный. Пол скрипел.
Невечный жид за столик сел.
С ним рядом нежность опустилась.
Молчанье мыслью заструилось...
Пьянела Маша **воплощеньем**.
В чужих умах рождалось мщенье.
Сокурсники плели сюжет
И ждали собственный «брегет».
В абортах корчилась судьба.
Рвались проклятья и мольба.
В высокой ноте память-вздых.
Яд слов, прозренья, как горох.
Улитка в собственном огне.
Стон шеи на холодном пне.
От медицины тесно стало...

От прежних истин проку мало.
От гиппократовых утех
возник трехзначный круглый грех.
Коньяк слился с огнем науки.
Сердца взорвались, стихли звуки.
И недоношенность полдела
Молочным трупиком галдела.

Метафора сегодняшнего дня
Пинает вверх скрипучего меня
Упругостью, расхристанной по жилам.
Сиренью майской пьяно закужила.
В созвездьи душ без зависти и яда
Сверлят покой два пистолетных взгляда.
Но ручкой пухлой венценосность дня
Стреляет незабудками в меня.
Пролог стоит, бекренятся мозги...
Ты в нашу кухню не пускай брюзги.

КАНУН НОВОГО ГОДА

- ▶ Отдаться искрометному веселью.
Славянским темпераментом потрянуть.
Любимых закружить, как каруселью.
В двурогий месяц пробкою стрельнуть.

В танго прижаться и пьянеть от звуков.
Вальсок старинный освежить вдвоем.
Стряхнуть проблем заботливые руки.
В сугроб нырнуть, как будто в водоем.

Порадовать разлукою соседей.
Рвануть меха тальянки пожилой.
И в масках Зайцев, Белок и Медведей
проказничать рвануться, словно в бой.

В столовой свечи Дед Мороз засветит,
расставит вздорожавший бражный мед.
Снегурка-Машка у дверей вас встретит
и в теплые покои отведет.

Не огорчусь, что счастье быстротечно.
Мы все привыкли к бреду декаблей.
Но огорчает, что стареем в жизни вечной
И то, что «с носа» – сто одиннадцать рублей.

ПОЧТИ НЕЗНАКОМКА

Я потерял Вас, ангел мой.
Я Вам писал стихи вдогонку.
И безутешно, как больной,
марал этюд, строгал «вагонку».
Топил камин, губил коньяк,
газон английский будоражил.
И как тупой, скупой маньяк
страсть безнадежностью этажил.
Но как-то шел из гаража.
И вдруг увидел Вас в салоне.
В соседстве мужа иль пажа.
На гнусном придорожном фоне.
И враз в вечерней тишине
запели скрипки и кларнеты.
И страстно захотелось мне
сменить пажа, писать сонеты.
Обнять прекрасный лимузин,
чтоб он растаял, как конфета.
Я правда русский, не грузин,
мне не чужда планета эта.
Начинка – ласковый обман.
Вы позабыли про поэта.
Я жду Вас в сонме страшных ран,
чтоб опалить надежду светом.

ЭКСПРОМТ

Негромкий ропот электрички.
Заросший лесом полусад.
И две сестрички-невелички
В системе тропок и оград.

Экспромт созрел непринужденно.
Хотелось в душу света влить,
Расквасить пыл непроторенно
И страсть стихами пробудить.

Испить коньячный дух прозрачный,
Кофейной черноты хлебнуть
И тихо, без забот и прений
На девичьей груди уснуть.

Был и коньяк, и запах кофе,
Под дубом стол и глыба слов,
Старушки тихой вечный профиль,
Потеря праведных оков.

Клочок мяукающей шерсти,
Парад дурманящих цветов
И муз манящее бессмертье
В восторге страсти и призов.

7 августа 2000 г.

Настал опять желанный миг,
Когда друзья и иже с ними
Приходят в дом иль на пикник
Излить, что за год накопили.
Пролить ушаты теплой славы,
Воспеть, виватить и желать,
Прогнать нещадьё от шалавы
И принародно помечтать.
Засунуть глубоко и страстно
Свой нос в роскошные цветы,
И, если будет не опасно,
Всех пригласить в свои мечты.
Но в именинах толку мало.
Года считать – какой в том прок?
Всегда чего-то не хватало,
И из всего течет урок...
Неосмотрительно и строго
Корит жена за прозу лет.
И если рубликов в Вас мало,
То Вы – дуэльный пистолет.
Но радость жизни не в стрельбе,
Не в неосознанной программе,
Не в гнусной правде, не в борьбе,
А в соловьиной светлой гамме.

В ромашке, в ландыше, в тиши,
Во влаге глаз, в запретной страсти,
Когда вулканит крик души,
Желанных губ пьянят напасти.
Вот это жизнь! Вот это сроки!
Я всем желаю только так
Разлить души своей потоки.
Хоть жизнь российская – бардак!

Я гений! Я – Кортес!
Кортес в просторах рифмы.
От ритма обалдел!
От образов горю!
Испепелю чужих!
Взнесу достойно нимфу,
И в тонкостях предтеч
Надгробье сотворю!
«Ах, как красив... подлец!»
«Как шлюха непорочна!»
Сегодня юбилей, и все им ткут парчу.
Собрали сто рублей,
Купили батник, люстру.
А я, болван и льстец,
В своем дерьме торчу...

ГРИБНЫЕ СТРАСТИ

Поднялись рано. Слух прошел:
«Опята по пенькам расселись...»
Забыт вдруг дачный труд большой,
а грибки в минуту спелись.

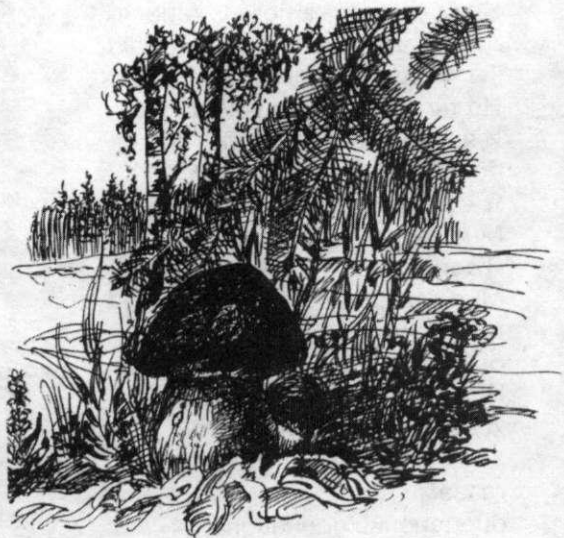
Шуршит асфальтовый поток,
режут моторы, стекла блещут,
багажники набиты впрок.
Надежда алчная трепещет.

Воспоминанья прежних лет
пристрастно привели к тропинке.
Рассыпались. Сомнений нет.
Сухой лозой скрипят корзинки.

Трещат сучки. Орешник хлещет.
Звериных тропок забытьё.
В глазах грибная страсть трепещет.
Шуршит подсохшее быльё.

Прошли часы. Стихла страсть.
Усталость разлилась по членам.
Ах, эта странная напасть
врубила всем под зад коленом.

Нашли чуть-чуть. Не насладились.
Безмолвно озирая путь,
эмоции в стакан пролились
и замочили грудь и грусть...

УЖЕЛЬ НЕ СОН, УЖЕЛЬ ВСЕ БЫЛО?

В тебе и стыд, и близость счастья...
Прикрыты веки, блики свеч.
Крахмальных простыней участием
меня пытаешься отвлечь...
Мы колдуны в безмолвных трелях.
Мы голодны, как сто собак.
Не будет слез в немых капелях,
два сердца будут биться в такт.
Ты – недотрога, недоступность.
Но ты приснилась мне иной.
И я целую твою юность,
боясь, что бредит разум мой...
Я – Модильяни! Я – Мане!
Мне нет прощенья, нет отрады.
Я весь сгорю в твоём огне.
Мне только этого и надо.
Рукой умелой технократа
боюсь дотрожность преступить.
Неповторимость аромата
хочу бессовестно испить.
Хочу! Пьянею от дозвола,
глазами линии ловлю,
оцепененье произвола
от рук потеющих гоню.

Ужель так близко совершенство?
Ужели грудь красивей есть?
Ужель переживу блаженство?
(Словам вообще не место здесь...)
Меня внутри кромсает буря.
Меня сомнений гложет сонм.
А ты, в улыбке глаз сощуря:
«Счастливый затянулся сон...»
Я встал, оделся и ушел...
Вдогонку получил: «Осел!»

Кисейной зеленью оделась
Берез чарующих краса.
И соловьи уже расселись,
Алмазом чистят голоса.
Дрозды хлопочут над гнездовьем.
Серезжками сорит орех.
И у влюбленных в изголовье
Томятся нежность, страсть и грех.

Ты родилась в рассвет природы.
В счастливый, дивный миг весны,
Когда в сердцах чего-то бродит,
Когда все лифчики тесны.
Когда так хочется влюбиться,
Сварить пьянящий теплый грог,
Камин затеплить, опьяниться,
И чтоб у мужа вырос рог.
С большими нежными ветвями,
С рубинной вишенкой во лбу.
Чтоб он бодался, бляял, таял,
Но не топтал твою судьбу.

Живи с молитвой и добром.
Земное счастье быстротечно.
Все на Земле живут не вечно.
Не запивай коньяк ситром.
Ищи прекрасные мгновенья.
Друзей любимых не теряй.
Пусть дух стоит, как озаренье,
Пусть не уходит вдохновенье
И в шалаши приходит рай.

ЭСКУЛАП

Все повелось от Гиппократы.
Он запретил больных «мочить»,
и от гетеры до солдата
стал потихоньку всех лечить.
Постиг натуру, кровь, говно.
Постиг коварство и безбожность.
И повелел давным-давно
от эскулапов несть надежность.
Лечить духовно и светло.
Лечить природными дарами.
И жить! Всем дьяволам назло.
И в шестьдесят летать орлами!

ЗИМНИЙ КРЮШОН

Пора бы горностаевым убором
Девчонок-елочек одеть
И дружным снежным тихим хором
Убранства царские воспеть.

Но незабавно и печально
Слезились хляби облаков,
И травостой сухой, качальный
Изрисовал земли покров.

Дороги чавкали и стыли,
Бурчали грязной колеей,
А деревья туман чертили,
Змеясь гадючьей чешуей.

Я вел, качаясь на ухабах,
Свой светло-серый лимузин
(Какой-то Грин скулил о бабах,
Последней встречею слезил).

Я вез стихи и акварели
На суд серьезный и простой.
В духовке печенюшки зрели
С начинкой яблочной густой.

Приехал, тропку наследил,
Приняв объяття как авансы,
Чего-то там разбередил,
И к жизни утвердились стансы...

...Мой возраст блещет серебром,
Набором слабостей и страсти,
Бедой, обузданной добром,
И счастьем каверзной напасти.

Словесность русская жива,
Хотя от недорослей тесно,
И тарабарская молва
Калечит слух тирадой пресной.

Я так люблю словесных мук
Испить божественную сладость.
Горчусь от временных разлук
И пью пригоршней встречи радость.

Стихосложение — Божий дар!
Я раб метафор и сочтений.
Я Муромец, Батый, Сардар
В развале истинных прозрений...

Прошу прощения. Я ушел
От перевозданной сути дела.
Боюсь, что Вам все надоело.
Ах! Вот уже несут крющон...

Декабрь 2000 г.

Провернуть невзгоды в мясорубке
И в пельменях дьяволу скормить.
Достают нас испытанья... шибко.
Так, что просто хочется завывать...

Полморя водочки отпить.
Полдела в Вечность воплотить.
Полмира баб переласкать.
У близких горе расплескать.
Забиться в запахах берез.
И плакать, не жалея слёз...

ПРИРОДА ЛЮБВИ

Любовь проста и гениальна.
Из ниоткуда в никуда,
Необъяснима и печальна,
То одуванчик, то строфа...
То силы пьет, то расточает,
Незаменима и вольна.
И каждый раз себя венчает,
Безумством, нежностью полна.
Венчает страстью пепелящей
Иль холодом могильных плит.
Судьбой прописанный гранит
Иль тёплый, вечный луч скользкий.

НОЧЬ

Пшеном алмазным в небе сыпанула.
Теплынь дневную прутиком стегнула.
Прогнала жадность взоров и лучей.
И лишь влюблённым – пастухам ночей –
Под маскарадным покрывалом неба
Дала надежду, как голодным хлеба.

ДВУЕДИНСТВО

Ах, это женское таинство!
Оно прекрасно по ночам.
В нем непонятье двуединства,
Когда в объятиях молчат.

Когда рукою теплой, нежной
Снимают боль, снимают дурь.
Враз укрощают дух мятежный
И согревают после бурь.

Насытят изыском и негой
Так, что прокуренный мужлан
К ней полетит босой по снегам
Иль будет ночь терзать баян.

С оглоблей ринется в защиту
Иль будет мальчиком бухтеть,
Иль приползет щенком побитым
И от прижатья будет млеть.

7.08.01

ЭТЮД ЛЮБВИ

Я прорубями
звёзды
отловил.
Лучами утра
душу окрылил.
В избе
случайной
жизнь свою распутал.
В две пары ног
на девственном снегу
Следами счастья
расписался длинно.
И абсолютно
без врагов былинных,
В борьбе с собой лишь,
умыкнул её...
Теперь она – мой ангел,
мой...
моё!!!

КОРОСТЕЛЬ

Здесь коростель в невидимых осотах,
Плёл росным травам трепетную новь,
А я парил в избыточных высотах,
В дурмане девичьем из запахов и слов.

Она была той недотрожной Таней,
С молочной кожей, ямочками щёк,
А я был юный, нежный, дерзкий пареньь,
Томленьем переполненный щенок.

Мы изнывали в ярости запретной,
Кусали губы, пьяные до дна...
Восторг святой от близости заветной,
Трезвея разумом, постигла лишь она...

Девчонка ослабела – мамы нету,
Холодный смысл-пыряльщик не трезвит.
И лишь роса вернёт тебя к рассвету
В привычный мир, где коростель кричит...

ТАМАРКА

Шутя пульсаром сердце стало,
Пока под взглядом обтекало
Всё чудо прелести твоей.
Глаза исполнены озёрно,
А силуэт – как божий дар!
И в сердце тесно и просторно
Заныл гавайский всплеск гитар.
В груди, в непонятом старанье
Долбились рёбра изнутри.
И ум пьянел от состраданья
К слепому таинству любви...
А страсть действительно слепила,
В глазах соцветие плыло.
Открытьем было всех открытий
Твоих сокровищ торжество!
Постой, но ты ведь божество,
А не Тамарка-крановщица!

ИРИНЕ С ВОЛЖСКИХ БЕРЕГОВ

Если поцелуями неспешно
Изучать Иринин профиль, фас,
То поймет любой мужчина грешный,
Что Ирина – это высший класс!
Глазки, губки, пальчики и носик –
Все создатель лишнее убрал,
И в весну, и в лето, в зиму, в осень –
Всепогодный профиль изваял.
Ты, Ирина, – просто Афродита!
Только с дальних волжских берегов.
Испокон веков вся Русь покрыта
Красотою женщин и снегов.
Жаль, что сердце обожглось болваном.
Доча-свет укоротит страду.
Жизнь и время уврачуют раны
И развеют дальнюю беду.
Он, другой, придет нежданно, прямо.
Улыбнется, добротой сверкнув.
Сильный, некурящий и непьющий,
Сердце и объятья распахнув.
Я желаю, чтоб сбылось сказанье.
На тебе нет тяжести грехов.
Ирочка! Прелестное создание!
Рви сердца московских женихов.

03.07.1998

ДЕВОЧКА

Нелапанная девочка,
Несбитые копытца,
Нескрюченные пальчики,
Глаза – как две синицы.
Не нравятся ей мальчики –
Несмелые погодки.
Им подвязать слюнявчики –
Целуют больно робко.
Ей хочется, чтоб рядышком
Дышал красавец бронзовый,
Послушный и порядочный,
Родной, как шум березовый.
Чтоб грудь – как наковаленка,
Глаза чтоб синью капали,
В губах – цветочек аленький,
И чтоб цветы – охапками.
Мечта такая ясная.
В мечту так много просится.
Сама то – девка красная.
Да счастье где-то носится...

СОН

Я видел сон, страдая от любви,
Береза шелестела прядью нежной:
– Иди ко мне, другую не зови.
Ее, как и меня, зовут Надеждой.
Я руки протянул,
но двинуться не смог.
Она звала, ветвями воздух мяла.
Я так хотел с ней слиться,
изнемог...
Она затихла и в слезах завяла...

Я тоже обнимал березку.
Она склонилась на плечо.
И по щекам моим, как слезки,
катились капли горячо.
Как будто мы навек прощались
разлучник где-то рядом был.
Печаль ромашками качалась,
и, видно, Бог о нас забыл.

Мне не нужна сочувственная малость...
Я Вас люблю, не ведая границ.
У Вас ко мне воспитанная жалость,
Пока Вас ищет милый, добрый принц.

Холодный ум Ваш уж давно вздымает
Мои несовершенства на весы...
Но Ваша красота мне так мешает
Рвануть покров с дурмана полосы.

Я знаю в Вас свое предназначенье,
Холодной обреченности порыв.
Я чувствую, что близко отречение,
Но принц нейдет... и не несет разрыв.

ПРИГОВОР

Я в сентябре, под Обнинском, в прохладе
Ромашки рвал и вспомнил о тебе...
Я ощутил в тот день в твоей бравате
Отмеренную дань чужой мольбе.

Тебя просили отомстить словами,
В тебя вложили яд чужих утрат...
Я ж любовался милыми губами,
В прекрасной страсти льющих мой закат.

Мы в недосказе разошлись тропами,
Не слишком обделённые судьбой.
Но мне всё кажется, что серыми глазами
Ты приговор готовила иной...

НОКТЮРН

Куда глядишь? О чем молчишь?
Опять растрепанные чувства?
И лапку елочки невкусной
Зубами крепкими мельчишь...
Куда глядишь? О чем молчишь?
Опять снежинки искры мечут,
Слезинки жемчуг глаз калечат,
А ты идешь, хрустишь, молчишь...
Куда глядишь? Зачем молчишь?
Опять тебе ничто не в радость.
Что разлилось, а что осталось?
Как тут поймешь и что простишь?
Ты вдаль невидяще глядишь.
И я молчу, и ты молчишь...
Я от бессилья отрешился,
От счастья прежнего потух.
Хожу – следам твоим пастух.
И, кажется, с тобой простился...

Замужество – броня и стать.
Но заповедные ошибки
Порой не могут оправдать
Твою загадочность улыбки,
Твоих неправедных оплат
От обреченности и муки,
Твой незаконченный обряд
От непредсказанной разлуки.
Да, можно жизнь укоротить
Однообразностью печали.
И то, чего не может быть...
Когда так нравы одичали.
Светильник гаснет без любви.
Светильник страсти и надежды
В холодной голубой крови.
И день за днем смежает вежды.

Вы перестали ждать меня,
Косясь в калитку серым взглядом,
Трезвея денно ото дня,
Ожесточая строгость ядом.
Всё от сравнительных потерь.
Всё от бродяжничества доли.
Всё повторится не теперь
Во всплесках воли иль неволи.

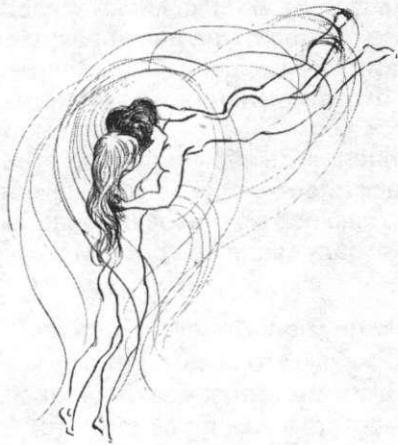
У Вас жасмин уже отцвел.
У Вас заботы и невзгоды.
Овидий что-то там наплел
К непродолжению породы...
Ах! Чем бы счастье защитить,
Когда редки замесы страсти?
Приходят новые напасти...
Или чего не может быть...

Мне в имени твоём не разобраться
Без этих губ, без этих светлых глаз,
В глубокой, нежной тайне оказаться,
В которую меня возвел Парнас.
Все разделить на два неравных мира,
Впитать твои движенья и мечты
И оказаться ненасытным, сирым
И без сомнений сжечь свои мосты.
Испепелить себя безумной страстью,
Расстаться с предыдущей высотой.
Друзья всё это назовут напастью
И отведут коня на водопой...

В копну соломенную ткнуться,
глаза закрыть и замереть.
В любимых грезах захлебнуться,
в восторге нежности замлеть.

Дурманам запахов и чувствам
дать волю сердце оплести,
и без притворного искусства
тугие косы расплести.
Глазами чистоты из детства
рассечь клубок привычных дел.
И серебро с ржаным в соседстве
солят сердца и разность тел.
Солят, расплавятся, растроят
все силы, чтоб воспеть любовь.
Волна нахлынет и откатит,
чтоб повторяться вновь и вновь.

МНОГОУГОЛЬНИКИ ЛЮБВИ

Вы не нуждаетесь в любви.
Она вокруг Вас тихо бродит.
Она кипит в чужой крови,
Вдруг Ваши пальчики находит.
Вдруг бар. Вдруг нега ресторана.
Вдруг невоздушный поцелуй.
Вдруг перлы гения, как раны.
Вдруг необузданный холуй.
Вдруг новый тип какой-то странный.
Вдруг одержимость! Вдруг мечта!
Вдруг лоб красивого барана.
То вдруг покоя лепота...
Вдруг то, что Бог уже простил,
Но разлюбить Вас не дал сил.

Откадрились ножки точеные,
залегла на ресницах печаль,
затуманились глазки верченые
и невидяще тянутся вдаль.
Было всё: жадность взоров пристрастных,
дерзкий хват за срамные места,
приглашений и спросов атасных
и запретных высот маета.
Похоть страсти лавинных парений,
а потом отмоленья грехов,
и в холодном поту пробужденья,
будто саван похож на альков.
От безумной и праздничной жизни
не осталось рубцовых потерь.
Лишь судьба громко всхлипнет на тризне
и откроет не райскую дверь.

УКРАДЕННАЯ НОЧЬ

Чужая грусть.
Чужой вальсок.
Чужой под локоном висок.
Чужого личика овал.
Желанных губ чужой коралл.
Чужих духов чужой озон.
Чужой Дассен,
Чужой Кобзон.
Чужой квадрат чужих ковров.
Чужой набор фальшивых слов.
Чужих погон обвисший блеск.
Чужой судьбы постельный треск.
Чужих сюжетов смрад и нега.
Чужие глыбы льда и снега...
И мысль, как пуля из обреза:
«Зачем чужой нарыв надрезал?
Чужой коньяк с слезой мешал?»
Но врачевать ничто не стал...

ЭКИПАЖ

Вроде все, как всегда.
Вроде сердце не спит,
И кабину облил синий вечер.
Штурман землю корит,
Что-то там говорит,
И погоны не давят на плечи.
Зверь в моторе ревет,
Штатный вроде полет,
Лошадиные силы в смущеньи.
Пашет весь экипаж,
Только первый пилот
Вроде спит под звериное пенье.
Вроде спит, вроде нет
Или думой торчит
На земле, в палисаднике старом.
Третий рейс уж молчит,
Заплутавшись в ночи,
Всех догадками кормит задаром.

Стюардесса зайдет,
Кофейку разольет,
Командирскую чашечку сменит.
Постоит, помолчит, потихоньку вздохнет
И у штурмана душу разденет.

Жизнь сюжеты плодит от зари до зари.
В связке три иль четыре влюбленных.
Безответность, уйди,
Покури, покури
И оставь навсегда опаленных!

Нет, пожалуй, все так!
Все как надо журчит.
Сердце мрет, сердце требует счастья.
Слушай, друг, помолчи
В этой тихой ночи,
Здесь всех слов бесполезно участие.

Тут любви не прикажешь:
«любить – не любить».
Тут свое беззаконье законов.
Можешь петь, можешь пить
Иль подарки дарить,
А любви не получишь короны.

Пристегните ремнями зады, не сердца!
Стюардессу все звали Джульеттой.
Освети же, любовь, два счастливых лица
И скажи только в песне об этом.

ФАНТАЗИИ НА ТЕМУ ГРИГА

(Танец Анитры)

Ржавели валуны-коровы,
томились сосны от жары.
Вокруг все дикостью здоровой
дышало, пело – власть поры.

Ленивый глянец бездны темной
сучал прохладной чистотой.
И лишь кузнечик неумемный
кого-то звал: «Проснись и пой!»

Русоволоса, длиннонога,
на темном каменном седле
сидела чудо-недотрога,
как мститель сырости и мгле.

Медвяный дух стекал в граниты,
глаза синили небосвод.
И сердце трепетной Анитры
открыло таинства приход!

Прозрачных крыльев трепетанье
влекло в загадку и в полет,
а царь лесной, дивясь созданием,
уже скликал лесной народ.

Альты, виолончели, флейты
вели мелодию любви.
И волосы, как шелка ленты,
струились, путались, цвели...

Не быстро руки воздух мяли,
незагорелой белизной
колени матово сверкали
и звали танец за собой.

Овсяночки и жаворонки
цветами сыпали с небес,
и очарованно и звонко
аукал чистым эхом лес.

Стрекозы, бабочки и сойки
сверкали радугой цветов.
Олени, лисы, зайцы, волки,
забывшись, вышли из кустов.

Плыла Анитра и кружила,
рукой ласкала травы, свод
и над лугами ворожила
любви невстреченной полет...

Любовь придет...
Любовь придет...
Любовь придет...
...идет... идет...

НА ДАЧЕ

Раскинул снедь. Камин затеплил.
Рябину в гроздьях целовал.
Осин стыдливый шум заметил
И в сердце грусть прополоскал.

Томленьем душу переполнил.
Взomнил несчастье без тебя.
Рубин и мрамор грудок вспомнил
И плыл по осени, любя.

Ты что-то сделала с надеждой,
Стреножила мою любовь.
Я, вроде, прежний и не прежний.
Стал с сельдереем есть морковь.

Стал примерять другие мысли.
Стал комкать нежные слова.
Симпатий прежних перлы скисли.
Тобой лишь бредит голова.

ЗАЧАТЬЕ ЛЮБВИ

Ах, эти тонкие бретельки
На мраморном рельефе плеч...
Ржаные, теплые кудельки
Готовы в сердце страстью лечь.

Метафорические бредни –
Поэт и в страсти словопут.
Он ищет высшее над средним,
Он соблазнитель,
 дьявол, шут!

Он гипнотически бесстрашен.
Он сыплет образную цветь.
Он в словоблудии прекрасен.
Он жаждет сто раз умереть...

Вдруг нежный пальчик в губы – тюк!
Глаза раскрыты, как объятья.
И вот уже открыт бурдюк,
И пьются вина и зачатья...

Я опоздал к тебе на двадцать лет.
Я где-то там елозил по планете.
Я ублажал утробу, чтил скелет
и думал, что тащусь в своей карете.

Но ты мелькнула стриженным мальцом,
размеренно вонзая страсть и негу.
Мне так хотелось стать твоим отцом
и на руках носить тебя над снегом.

Губами греть ланиты и персты,
а проще – щечки, локоны и пальцы.
И чтобы ты шептала мне на «ты»,
и чтобы я не угодил в страдальцы.

Но так устроен этот чудный свет –
кромсая грех, чудачества и муки,
я не готов крушить чужой обет.
Но я готов на встречи без разлуки.

ГРЕХ

Воровская любовь – сто запретных плодов!
Истин старая новь, бой умов и ходов.
Неизвестных трагедий неистовый страх.
Непубличных комедий изысканный крах.

Подлецов и ханжей галерейный витраж
И кристальных рапсодий звучащий кураж.
Негаремных сравнений греховная сласть
И струна, что порвалась и в душу впилась.

СУДЬБА

Кто судьбу награждениями чтит?
Кто лоскутно чудит наказаньем?
Смерть у жизни – одно назиданье.
Но она лишь утробно молчит.

Предсказанье пророков пьянит.
Мы без истин сердца надрываем,
Заповедные пломбы срываем,
И в ночи кровь под сердцем кипит.
Тесен мир у бессонных ночей.

Дьявол ласково стелет искусы.
Все земные провалы и плюсы
Не свести. Не хватает ключей...

Мы не знали, что встретимся вновь.
Мы не знали, что этого ждали.
Нас чужие, любя, провожали
И встречали, гремя про любовь.

Нас ласкали, шептали слова.
Нас кружила любовная выюга.
Нам идиллии пела молва,
Но Господь нас хранил друг для друга.

Наконец кто-то высветил вдруг
Средь проспектов лишь нашу тропинку
И замкнул предназначенный круг.
И судьба засветилась в морщинках.

СОДЕРЖАНИЕ

УМА И СЕРДЦА ДВА НАПЕВА

Соперников в поэзии не счесть	4
Отмотаю свои километры	5
Вечный зов	6
Проселок	8
Легко вещать слова о дружбе вечной .	9
Отчий дом	10
Глухари	11
Заметалась душа	12
Я с горла в задыхающемся мраке	13
Предательство	13
Два голоса	14
Полысели тропочки крутые	16
От недобрых морщин стать скорбела .	17
Вода и время	17
Вороненые курочки	18
Учили. Ведал. Дух парил	19
Я не рожден для грубой лести	20
Защитникам России	22
Эхо войны	24
Года летят, но остается	25
Ведь грусть не обязательно порок	26
Николаю Рубцову	27

Одиночество	28
Мгновенье	30
Настало. Август был седьмой	31
Апогеи, перигеи, амплитудные шаги	32
Горят мосты	34
Поэзия – страна	35
Россия, Пушкин, далее всегда	36
Я никогда не шастал по Парижу	38
Мы – евроазиаты	39
Стихи, стихи, стихи	40
Соловьиное утро	41
Энола Гей	42
Неоконченная погоня	42
В далеком близкое увидев	43
Школе, где учат всему	46
СОБРАЛИСЬ ДРУЗЬЯ И ГОДЫ	
Моему поколению	48
Нагрянут друзья	50
Сорокалетним	51
Неутопленный щенок	52
Встречи на Ахтубе	54
На смерть товарища	56
Друг	57
Бес	58
Заложены судьбой	59
Камчатка	60

Три колодца	62
Каждый день	63
Толе	64
День ангела	65
Российское новогоднее	67
Опять весна, опять надежда	68
Друзьям	69
В день рождения	70
День рождения Оли	70
Возраст	72
Медовый месяц	73
Си!	74
Моему другу	75
Мне нужно ваше тело красивое	76

ДВА РАЗА В ГОД МЫ ВИДИМ ЖУРАВЛЕЙ

Журавли	78
Високос	79
Прощеные февральи	80
Душа томилась	81
Март	81
1 апреля	82
Опять весна	83
Вот и весна на теплых лапах	84
Весна, любовь и все сначала	86
Весна в Москве	87

Безумство. Щедрость. Ночь в июле	88
Глазастое ромашковое братство	88
Осень	89
Осенние прощания	90
Канун	91
От факелов металась синева	92

АКВАРЕЛИ

Ночное	94
Воспоминание о лете	95
Златогривые закаты	96
Этюд	96
Радуга	97
Предчувствие осени	98
Бабье лето	100
Листопад	101
Косачи	102
Расколосась глыба солнца	103
Осыпался осенний маскарад	104

ИРОНИЯ ПАРНАСА

Моему Пушкину	106
Преферанс	108
Красивой женщине	109
Ночной покров растаял чисто	110
Маше Арбатовой	111
Метафора сегодняшнего дня	112

Канун Нового года	113
Почти незнакомка	114
Экспромт	115
Настал опять желанный миг	116
Я – гений. Я – Кортес!	117
Грибные страсти	118
Ужель не сон, ужель все было?	120
Кисейной зеленью оделась	122
Эскулап	123
Зимний крюшон	124
Провернуть невзгоды в мясорубке	126
Полморя водочки отпить	126

ПРИРОДА ЛЮБВИ

Природа любви	128
Ночь	128
Двуединство	129
Этюд любви	130
Коростель	131
Тамарка	132
Ирине с волжских берегов	133
Девочка	134
Сон	135
Я тоже обнимал березку	135
Мне не нужна сочувственная малость	136
Приговор	136

Ноктюрн	137
Замужество – броня и стать	138
Вы перестали ждать меня	138
Мне в имени твоём не разобраться	139
В копну соломенную ткнуться	139
Многогольники любви	141
Откадрились ножки точеные	142
Украденная ночь	143
Экипаж	144
Фантазии на тему Грига	146
На даче	149
Зачатья любви	150
Я опоздал к тебе на двадцать лет	151
Грех	152
Судьба	152
Содержание	154

ЧАУСОВ Игорь Леонтьевич

АКВАРЕЛИ

**Стихотворения
(2-е изд.)**

Редактор Пшеницына Л.А.

Компьютерный дизайн и верстка Азаров Б.А.

лицензия ЛР № 071643 от 03.05.98.

Подписано к печати 01.09.2001. Формат 60x88 1/32.

Печать офсетная. Усл.печ. л.13,9.тираж 900экз.

Отпечатано в типографии "Экспресс Полиграф Сервис"
109369, Москва, Новочеркасский бульвар 47